К.Г.Б.

О НАСТОЯЩИХЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ

РУССКАГО ДВОРЯНСТВА.

Paris. — Typographie de Firmin Didot frères, fils et comp., rue Jacob, 56.

О НАСТОЯЩИХЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ

РУССКАГО ДВОРЯНСТВА.

La bonne politique a cette vertu, que, même en succombant, elle garde un grand principe d'efficacité.

GUIZOT.

ПАРИЖЪ.

Въ Типографіи БР. ФИРМЕНА ДИДО. | У Книгопродавца КЛИНКСИКА.

PARIS

CHEZ FRIEDRICH KLINCKSIECK

11, RUE DE LILLE

1861

86 „Пров 38“
„Пров 40“

2 шк
0

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
883
27



О НАСТОЯЩИХЪ ОБЯЗАННОСТЯХЪ

РУССКАГО ДВОРЯНСТВА.

La bonne politique a cette vertu que, même en succombant, elle garde un grand principe d'efficacité.

Guizot.

Въ настоящее время трудно предвидѣть окончательныя послѣдствія происходящаго нынѣ измѣненія въ законахъ пользованія собственностью. Мы еще не видимъ тѣхъ законовъ, которые должны выработаться, быть можетъ, въ теченіи многихъ лѣтъ; но хотя бы мы и могли ихъ прочитать, не было бы возможности предугадать полнаго значенія, которое придастъ имъ время, угадать какое слово въ законѣ будетъ перетолковано, какое усилено въ своемъ значеніи и какое

вовсе вычеркнуто. Время, какъ рѣка, своимъ теченіемъ измѣняетъ самымъ прихотливымъ образомъ направленіе произшествій. Оно не только сочится сквозь скважины плотины, но и подкапываетъ и смываетъ ее, или обходитъ ее, размывая и потопляя самый берегъ, и оставляя плотину на сушѣ.

Но намъ нѣтъ надобности дожидаться времени, чтобы составить себѣ понятіе о томъ расположеніи нашихъ чувствъ, съ которымъ мы сами готовимся и приступаемъ къ ожидаемымъ измѣненіямъ. Напротивъ того намъ полезно впередъ отдать себѣ возможно ясный отчетъ въ нашемъ собственномъ настроеніи духа и опредѣлить образъ поведенія самый благоразумный и достойный.

Раздраженіе, гнѣвъ, недовѣрчивость усложняютъ всякое дѣло; напротивъ того миролюбіе и осторожность устраняютъ затрудненія и подготовляютъ развязку самыхъ запутанныхъ интересовъ. Практическій человѣкъ предвидитъ не однѣ опасности, но и полезныя цѣли; первыя избѣгаются, а послѣднія достигаются чрезъ указаніе на общую пользу и при взаимномъ добромъ расположеніи людей.

Въ будущихъ отношеніяхъ между поземельными собственниками и крестьянами, предстоитъ опасность, какъ и во всѣхъ возможныхъ отношеніяхъ земныхъ; но есть и возможность обоюднаго добра. Могутъ развиться и соревнованія, и подозрительность, и непріязнь, и наконецъ открытая война; но могутъ также, при благословеніи Божіемъ и при содѣйствіи благоразумныхъ людей,

образованіи и учетъ труда, и согласіе, и полезное раздѣленіе назначеній въ жизни двухъ разныхъ сословій. Раздѣлъ не есть всегда раздоръ; напротивъ онъ иногда предупреждаетъ самый раздоръ. Les bons comptes font les bons amis.

Англія намъ служитъ примѣромъ того, что собственность можетъ быть въ однихъ рукахъ, а пользованіе въ другихъ. Взаимное согласіе произвело это-кажущееся чудо. Тамъ нѣтъ ни рабства, ни крѣпостнаго состоянія, но нѣтъ и равенства; есть съ одной стороны уваженіе низшаго къ высшему, съ другой отеческое, заботливое попеченіе высшаго о благосостояніи низшаго. Кто въ томъ сомнѣвается, тотъ не путешествовалъ по Англіи, не читалъ Англійской Исторіи, и не читаетъ даже и Сѣверной Пчелы. Но наше дѣло не объ Англіи, но о насъ самихъ. Я хотѣлъ только утвердить и объяснить примѣромъ, что предъ нами не однѣ затрудненія и опасности, но и возможность желаннаго выхода. Въ этомъ кажется никто не будетъ сомнѣваться, равно какъ и въ томъ, что много зависитъ отъ самихъ дворянъ, какъ одной изъ двухъ партій, заинтересованныхъ въ достиженіи выхода полезнаго и мирнаго, и въ устроеніи прочныхъ и постоянныхъ отношеній.

Предоставляю юристамъ, экономистамъ и опытнымъ сельскимъ хозяевамъ указаніе тѣхъ правилъ, которыя могутъ способствовать къ этому важному дѣлу. Мой же скромный, но, надѣюсь, не безполезный предметъ принадлежитъ болѣе къ разряду нравственныхъ, чѣмъ ученыхъ разсужденій, и цѣль моя указать на нѣкоторыя искушенія, про-

шивъ которыхъ намъ надобно вооружаться, и на тѣ общія правила, которыхъ намъ прилично придерживаться, если мы достойно цѣнимъ наше назначеніе.

Искушенія я раздѣляю на два рода: на посягательство противъ благосостоянія крестьянъ и на посягательство противъ общественнаго порядка. Неосновательныя жалобы на рабочій класъ народа, доносы на его мнимую строптивость, призывъ верховной власти къ угнѣтенію крестьянъ, наконецъ всякаго рода прижимки въ мѣстномъ управленіи принадлежатъ къ преступленіямъ перваго разряда. Къ преступленіямъ втораго разряда я причисляю вызовъ порочныхъ страстей, побужденія къ возмущеніямъ или къ неудовольствію противъ правительства, наконецъ соучастіе въ неповиновеніи и въ уклоненіи отъ законнаго порядка. И тѣ и другія дѣйствія должны имѣть самыя пагубныя послѣдствія, и вести къ окончательному разложенію дворянства, которое при порочности своихъ дѣйствій не только бы пало, но и заслужило бы паденіе.

Въ чемъ же должна состоять политика русскаго дворянства?

Дворянство само первое пожелало уничтоженія крѣпостнаго состоянія. Но оно должно это доказать на дѣлѣ, потому что нѣкоторые люди притворно или искренно сомнѣваются въ этой истинѣ. Въ подтвержденіе моихъ словъ, что само дворянство желало емансипаціи, я скажу только, что емансипація согласна съ матеріальными выгодами дворянства, не говоря уже объ огромной

отвѣтственности, которую она слагаетъ съ его плечъ. Емансипація крестьянъ тѣмъ будетъ намъ полезна, что она намъ укажетъ границу чужой власти, и дастъ нашей собственности, въ чемъ бы она ни состояла, все достоинство и всю цѣнность неотъемлемости. Она упроститъ наши обязанности и, каковъ бы ни былъ размѣръ нашего человѣколюбія, проведетъ ясную черту между обязанностью и благотворительностью. Мы будемъ платить за работу, и не будемъ содержать тунеядцевъ; мы будемъ кормить голодныхъ, обстраивать погорѣлыхъ, одѣвать нагихъ, лечить больныхъ только по влеченію сердца, и притомъ будемъ кормить по нашему произволу бывшихъ своихъ крестьянъ или чужихъ, или вовсе не крестьянъ, а людей другихъ сословій, вызывающихъ наше состраданіе. Законнаго требованія на нашу щедрость уже болѣе не будетъ, и щедрость, въ чемъ бы она ни состояла, будетъ насыщающей щедростью, а не вынужденною добродѣтелью. Разумѣется, что въ этомъ дѣлѣ для дворянъ не будетъ одно чистое пріобрѣтеніе; напротивъ того они понесутъ большую потерю въ утратѣ правъ на обязательный трудъ. Но всѣ они готовы сознавать, что здѣсь стоитъ жертвовать собою, ибо при неопредѣлительности правъ, должны были быть равно неопредѣленны и обязанности, и что очень полезно будетъ какъ для крестьянъ, такъ и для помѣщиковъ ограничить и опредѣлить какъ тѣ, такъ и другія. Таково было мнѣніе не малаго числа дворянъ, опередившихъ желаніе правительства и говорившихъ громко въ пользу емансипаціи еще

въ то время, когда печатать о томъ было запрещено, и на толки о ней смотрѣли, какъ на государственное преступленіе. Дѣйствительно безопасность всего общества была бы потрясена до основанія отъ увольненія крестьянъ отдѣльными группами, и вотъ единственная причина, по которой многіе помѣщики не могли прекратить въ своихъ имѣніяхъ крѣпостнаго состоянія, учрежденнаго вовсе не ими самими, но нашими царями.

Въ настоящее время дворянству предстоитъ доказать свою либеральность, содѣйствуя всѣми своими силами емансипаціи, водворяя ее безъ урона для общественныхъ интересовъ и дѣлая улучшеніе крестьянскаго быта не только возможнымъ, но ощутительнымъ, быстрымъ и могущимъ годъ отъ году упрочиться. Мы не должны ни брататься съ крестьянами, ни входить въ заговоръ противъ ихъ пользы. Намъ предстоитъ между этими двумя крайними путями третій, средній и благоразумнѣйшій. Мы должны устроить такъ, чтобъ для крестьянъ было выгодно ихъ будущее подчиненіе своимъ господамъ, и утвердить нашу власть на довѣріи ихъ къ намъ и на справедливомъ возмездіи за труды, понесенные ими въ нашу пользу. Намъ предстоитъ образовать крестьянъ нашихъ собственнымъ примѣромъ, не только въ нравственномъ, но и въ политическомъ отношеніи, и просвѣщать ихъ насчетъ ихъ собственныхъ матеріальныхъ выгодъ, защищая ихъ отъ всякихъ притѣсненій. Но помѣщики не будутъ ни уважаемы, ни достойны уваженія, если они будутъ изыскивать случаи для выказанія только своей кротости и благодушія.

Они должны быть въ тоже время справедливы, неподкупны и строги, какъ люди облеченные законной властью. Такъ напримѣръ: когда крестьяне преступаютъ законъ мы не только не должны защищать ихъ, но обязаны даже помогать всѣми силами законнымъ властямъ въ уличеніи преступниковъ и прекращеніи безпорядковъ.

Нечего объяснять, что такова обязанность всякаго гражданина; явно и то, что требованія нашей личной пользы будутъ совершенно согласны съ требованіями нашей совѣсти. Дворянство болѣе всѣхъ другихъ сословій дорожитъ спокойствіемъ и порядкомъ, и потому оно должно пользоваться всѣми случаями, чтобъ выказать передъ народомъ союзъ помѣщиковъ съ правительствомъ въ общемъ дѣлѣ правленія. Пусть крестьяне почитаютъ своихъ господъ, какъ покровителей противъ притѣсненій мелкихъ чиновниковъ, но пусть они же будутъ увѣрены и въ томъ, что господа примутъ всегда сторону чиновника, хотябы самаго мелкаго, когда онъ приходитъ для исполненія своей законной обязанности. J'aime le peuple avec un dévouement profond, mais libre et un peu inquiet; je veux le servir, mais pas plus m'asservir à lui que me servir de lui pour d'autres intérêts que les siens; je le respecte en l'aimant, et parce que je le respecte, je ne me permets ni de le tromper, ni de l'aider à se tromper lui-même. — (Guizot.)

Жалко и преступно было бы со стороны дворянъ утѣшаться мыслью, что они имѣютъ въ рукахъ своихъ средства дѣлать зло, и что они могутъ вовлечь цѣлое государство въ одно общее паденіе.

Такія мысли суть именно тѣ подводные камни, на которыхъ дворянство можетъ претерпѣть окончательное крушеніе, и не только погибнуть, но и потерять вовсе свое доброе имя. Лучше и достойнѣе гибнуть безвинно, чѣмъ посягать на собственную честь и умирать преступникомъ.

Множество встрѣтится такихъ случаевъ и дѣлъ въ мѣстномъ управленіи, гдѣ интересы помѣщиковъ останутся въ сторонѣ, и гдѣ государственная польза и личныя выгоды крестьянъ будутъ въ прямомъ соприкосновеніи и борьбѣ. Къ этому роду дѣлъ принадлежитъ взиманіе подушныхъ податей, исправленіе натуральныхъ повинностей и именно самой тяжелой изо всѣхъ — рекрутской. Но хотя помѣщикъ является здѣсь посторонним лицомъ, его положеніе и образъ дѣйствія должны быть ясно опредѣлены передъ его совѣстью. Онъ не можетъ и не долженъ оставаться въ такихъ случаяхъ равнодушнымъ зрителемъ, и еще менѣе противникомъ правительства; напротивъ, онъ долженъ всѣми своими силами и всѣмъ своимъ мѣстнымъ господскимъ вліяніемъ пособлять общественному государственному дѣлу.

Должны ли мы радоваться про себя заботамъ правительства и говорить, что дѣло не наше, а казенное, и что казна управится съ крестьянами, какъ знаетъ? Можемъ ли мы безукоризненно пожимать плечами передъ крестьянами, слушать ихъ жалобы о разореніи, вздыхать и проливать передъ ними слезы надъ ихъ участью, потакать укрывательству бѣглыхъ рекрутъ, или наконецъ преувеличивать передъ правительствомъ бѣдность крес-

тьянъ для облегченія ихъ повинностей? Каждое изъ этихъ лицемѣрныхъ дѣйствій будетъ ни что иное, какъ подкопываніе правительственной власти, хотя бы никакая полицейская сила не могла уличить насъ въ этой тайной измѣнѣ. Мы сами должны сознавать всю низость подобной роли, сознавая между тѣмъ чувство нашего собственнаго дворянскаго и *правительственнаго* значенія. Слово « правительственное » не есть описка, очеркъ моего пера; я написалъ его съ намѣреніемъ, и нисколько не хочу ввести его контрабандой посреди фразы, какъ запрещенный товаръ. Я сказалъ, что мы сознаемъ свое правительственное достоинство. Въ подтвержденіе этаго епитета я скажу, что помѣщики дѣйствительно люди правительственные, хотя и не сановники, такъ какъ никакое управленіе въ Россіи не возможно безъ ихъ радушнаго и усерднаго содѣйствія. Но сверхъ этаго доказательства, взятаго ихъ самаго существа дѣла, мы наслѣдовали правительственныя обязанности, отъ которыхъ мы и не можемъ и не желаемъ отказываться. Права о выборахъ, дарованныя дворянству Екатериной II, запечатлѣны царской печатью, и никогда не были отмѣнены. Какія бы реформы ни предстояли намъ впереди, самый дерзкій реформаторъ не скажетъ, что мы хотимъ изгладить все прошедшее и замѣнить изобрѣтеніями наукъ все то, что получили отъ нашихъ предковъ. Никто не можетъ, хотя и желалъ бы, отмѣнить своей родословной грамоты. И такъ я повторяю сказанное выше, что мы сознаемъ наше дворянское и правительственное значеніе.

Мы должны гласно и громко объявить себя помощниками законной власти. «Подушныя должны быть вносимы исправно, потому что деньги нужны правительству для соблюденія порядка и для судопроизводства; рекруты должны быть отдаваемы и не больные, но напротивъ благонадежные, потому что имъ повѣряется защита отечества и огражденіе внутренняго порядка и проч. и проч.» Въ таковомъ духѣ должны быть наши рѣчи крестьянамъ, а согласно съ ними и наши дѣйствія. Хотя бы мы были и не богатые люди, не вельможи и не сановники, но мы носимъ еще высшее званіе, представляя передъ общиною высокую личность самаго Государя и священную власть, порученную ему отъ Бога. Наша совѣсть не укоряетъ насъ ни въ какомъ преступленіи, которое крестьяне по нашей просьбѣ скрывали бы отъ начальства; они не посмѣютъ надѣяться на насъ, какъ на соучастниковъ въ какой бы то ни было неправдѣ.

Слова: законъ, становой приставъ, помѣщикъ — не синонимы между собою, и не синонимы слова Государь. Однако отъ имени и по повелѣнію Государя издается законъ, именемъ Государя становой приставъ приводитъ законъ въ исполненіе, наконецъ подъ покровъ Государевой власти помѣщикъ прибѣгаетъ во всѣхъ случаяхъ, когда его личность или собственность въ опасности; и потому во всѣхъ случаяхъ помѣщикъ обязанъ ограждать всѣми силами власть, дѣйствующую для пользы мѣстной или общественной, именемъ возлюбленнаго Государя.

Таковое выраженіе, вѣчное призываніе на память

имени и власти Царя покажется нѣкоторымъ западнымъ читателямъ, très-peu parlementaire, т. е. языкомъ необщепринятымъ въ совѣщательныхъ собраніяхъ. Но таково будетъ сужденіе людей, неимѣющихъ точнаго понятія о недостаточности нашего политическаго развитія, о смѣшеніи въ русскомъ народѣ понятій вѣрности къ лицу, облеченному верховной властью, и преданности отечеству. Наше благоговѣніе передъ Царемъ оправдывается именно тѣмъ, что оно совпадаетъ съ нашей благодарностью, любовью и преданностью ко всеобъемлющему величію отечества. Не будемъ же связываться западной терминологіей, не будемъ скупиться горячими выраженіями нашихъ чувствъ, особенно, когда будемъ говорить объ Государѣ крестьянамъ т. е. далеко отъ царскаго дворца.

«Возвышаться службой, ознаменовывать свою фамилію заслугами отечеству» — слова, бывшія доселѣ въ большомъ употребленіи. Но многоли людей ознаменовалось своей службой? Нѣтъ ли и такихъ, которые опозорились ею? Сколько лицъ, покрытыхъ всѣми государственными почестями, нынѣ забыто, сколько даже такихъ, для которыхъ забвеніе было бы выгоднѣе памяти, прикованной къ ихъ именамъ! Награжденіе весьма кратковременной службы чинами сдѣлало дворянское достоинство весьма доступнымъ. Многія тысячи новыхъ дворянъ такимъ образомъ присоединились къ ограниченному числу старинныхъ фамилій, и такимъ образомъ число дворянъ обоего пола заходитъ въ настоящее время за 200,000. Весь

дворянства не чиновническаго, но собственника много потерпѣлъ чрезъ это увеличеніе всего сословія. Само собою разумѣется, что должно быть болѣе недостойныхъ людей въ огромномъ, чѣмъ въ ограниченномъ числѣ, и что примѣры истиннаго достоинства, проявляющагося посреди толпы, не могутъ быть замѣтны, развѣ для малаго числа окружающихъ.

Не служащіе люди часто служатъ отечеству болѣе служащихъ. И за то спасибо имъ, что они ничего отечеству не стоили, спасибо что не вовлекли его въ бѣду и разореніе. Не отказывайся однако отъ государственной официальной службы, ни отъ чиновъ тотъ, кто дѣйствительно чувствуетъ призваніе къ государственному дѣлу, и убѣжденіе въ здравости своихъ видовъ. Его служба, при стойкости характера, будетъ полезна отечеству. Но кто не имѣетъ никакой опредѣлительной цѣли, кто не знаетъ что одобрять и что осуждать, тотъ не лишитъ отечества ничего, если онъ откажется вовсе отъ гражданской службы. Онъ могъ бы оказать только покорность и усердіе къ исполненію всякаго порученія, не различая даже при помощи знаковъ на своей груди, къ пользѣ или ко вреду отечества протекаетъ вся его жизнь.

Любопытно, но до крайности прискорбно, прислушиваться къ сужденію самыхъ высшихъ нашихъ сановниковъ, когда они говорятъ непринужденно и вдали другъ отъ друга. Нѣтъ изъ нихъ ни одного, котораго бы дѣйствія не были осуждаемы его же товарищами. И сводъ законовъ, и фи-

нансы, и почтовое управленіе, и управленіе путей сообщенія, и министерство государственныхъ имуществъ разбираются не съ одной злобой, но и съ колкой справедливостью; но кѣмъ же они такъ разбираются? самими товарищами по службѣ! Всѣ служатъ и вмѣстѣ съ тѣмъ образуютъ словами своими строптивую оппозицію. Такое колебаніе политическихъ органовъ не только соблазнительно, но и вредно. Оно прекратится только тогда, когда мы будемъ болѣе убѣждены въ достоинствѣ нашихъ политическихъ мнѣній, и болѣе проникнуты важностью нашей круговой служебной обязанности.

Теоріи не успѣли еще образоваться у насъ въ систему. Столько письма, что нѣтъ времени для чтенія; столько резолюцій, что некогда размышлять. Въ такое время входить въ министерства съ обработанными проэктами и длинными записками — трудъ неблагодарный и безполезный. Записка читается по довѣренности, т. е. передается министромъ чиновнику для прочтенія, и возвращается министру чиновникомъ, обогащенная на поляхъ остротами рецензента, знаками вопрошенія и восклицанія. Въ такомъ видѣ трудъ зарывается въ архивъ и пропадаетъ вовсе изъ виду. Впрочемъ сколько бы труда таковыя произведенія не стоили, они вѣроятно весьма рѣдко заслуживаютъ внимательнаго изученія. Большая часть предложеній не была испытана на практикѣ; между тѣмъ мысли, даже оригинальныя и счастливыя, едвали могутъ быть приняты въ руководство, пока не будутъ оправданы на опытѣ. И такъ, я

не осуждаю вовсе министровъ за небреженіе ко всѣмъ адресованнымъ на ихъ имя проэктамъ, но скорѣе осуждаю тѣхъ людей, которые передаютъ имъ свои труды.

Никто однако не повѣритъ, что правильно думать и горячо чувствовать могутъ одни привилегированные чиновники. Сіи послѣдніе имѣютъ конечно то преимущество, что знаютъ, какая господствуетъ мода, и какая идея пользуется минутной милостью. Но и внѣ ихъ круга могутъ быть мыслящіе люди и патріоты, и въ томъ числѣ нѣкоторые дальновидные и проницательные, которые угадываютъ политику настоящей минуты, хотъ и не читали никакихъ конфиденціальныхъ сообщеній. Должны-ли сіи послѣдніе отказываться отъ всякаго честолюбія и считать себя не призванными употреблять свои умственныя способности въ пользу отечества? Не думаю. Я полагаю, что и для нихъ открыто поприще, хотя бы они и не числились въ разрядѣ чиновниковъ; но что они ошибутся въ своихъ расчетахъ и не окажутъ никакой пользы, если будутъ представлять свои соображенія въ *министерскія вѣдомства*.

Я нисколько не желаю вооружать дворянъ противъ начальниковъ. Я говорилъ выше о долгѣ пособлять становому приставу въ исполненіи его законныхъ обязанностей; онъ получаетъ предписанія отъ министра внутреннихъ дѣлъ, и потому намъ не слѣдуетъ подрывать власти высшаго начальника, когда мы содѣйствуемъ послѣднему изъ его подчиненныхъ. Никакая гражданская, равно какъ и военная служба, не можетъ существовать

безъ начальства. Но на этомъ именно словѣ я не могу не остановиться, такъ какъ оно имѣетъ большое значеніе въ нынѣшнее во многихъ отношеніяхъ переходное время.

Мы до сихъ поръ служили часто не столько для службы, сколько для пріобрѣтенія себѣ протекціи въ начальствѣ, до тѣхъ поръ пока сами не попадёмъ въ начальники; это есть главная, но ложная цѣль нашихъ служебныхъ карьеръ! Мы хотѣли попадать въ люди для того именно, чтобъ стать выше полицейскихъ служителей, отъ которыхъ непосредственно зависитъ наша участь, и чтобъ имѣть возможность безнаказанно нарушать законъ. Мы искали награжденій. Не чувствуя увѣренности въ своемъ достоинствѣ, мы полюбили внѣшнія блестящія свидѣтельства о нашихъ заслугахъ, непримѣтныхъ безъ того для общества. Но число награжденныхъ размножилось такъ, что намъ не хотѣлось быть послѣдними въ толпѣ отличенныхъ; и награжденія изъ предметовъ роскоши превратились въ предметы первой необходимости. Сдѣлалось нужнымъ всѣми средствами и всякаго рода заслугами снискать личное благорасположеніе начальства, которое наконецъ стало въ глазахъ чиновника важнѣе самой службы.

Награды за службу, хотя и существуютъ повсемѣстно, основаны на ошибочномъ понятіи. Служащій отечеству — служитъ самому себѣ. Измѣнникъ отечеству имѣетъ скорѣе предлогъ требовать награжденія отъ того, кому онъ служитъ; точно также иностранецъ, служащій не своему отечеству, но чужому, какъ швейцарская гвардія папѣ римс-

кому. Мы не просимъ награжденія за то, что хорошо ведемъ собственныя свои денежныя дѣла, или хорошо устраиваемъ въ жизни своихъ дѣтей, или наблюдаемъ за своимъ собственнымъ здоровьемъ. Однихъ дѣтей награждаютъ, когда они принимаютъ горькое лекарство. Члены верхней и нижней палаты англійскаго парламента служатъ безвозмездно. Точно также, какъ и лорды намѣстники, и шерифы, и мирные судьи по выборамъ помѣщиковъ. Самая служба имъ дороже всякаго награжденія.

Мы кажется вступаемъ въ новый періодъ; общественное мнѣніе скоро совершенно замѣнитъ представленія начальства въ оцѣнкѣ заслугъ и награжденій. Очень быть можетъ, что мы еще до этаго времени не дошли. Темпераментъ, требовавшій сильныхъ возбудителей, не можетъ вдругъ привыкнуть къ простымъ и здоровымъ яствамъ. Чтобы вкусъ могъ возвратиться въ нормальное положеніе, желудокъ долженъ очиститься отъ накопившихся издавна желчныхъ заваловъ. Чтобъ начальство потеряло свой фосфорическій блескъ, надо чтобы вся гниль исчезла изъ нашихъ душъ.

Какой былъ и есть доселѣ господствующій нашъ порокъ? Исторія всего нашего дворянства отвѣчаетъ намъ, что порокъ этотъ, порокъ затмѣвающій многія добродѣтели, и наконецъ подрывающій всю нашу самостоятельность, есть зависть. До сихъ поръ мы старались единственно угождать, не заботясь ни объ своемъ сословіи, ни объ сословіяхъ, стоящихъ ниже нашего въ обществѣ; мы жертвовали, правда, и своимъ состояніемъ, и своею кровью, но для славы не всегда безпорочной, но

для цѣлей истинно похвальныхъ, но всегда по указанію начальства; сами мы никогда не указывали на цѣль и не стремились къ ней соединеннымъ напряженіемъ. Мы приступаемъ отважно къ непріятельской крѣпости, но въ гражданскомъ дѣлѣ, гдѣ менѣе нужно мужества, чѣмъ терпѣнія и стойкости, мы вялы потому только, что въ насъ нѣтъ единодушія.

Обратимся къ доказательствамъ и фактамъ.

Карамзинъ, описывая характеръ царствованія Іоанна Грознаго, говоритъ, что онъ первый посѣялъ между дворянами раздоръ и недовѣріе, слѣды котораго до сего времени не исчезли. О до-петровскомъ дворянствѣ намъ извѣстно только, что оно оставило мало слѣдовъ своей гражданской дѣятельности, оказывая при томъ въ военное время преданность къ престолу, и готовность жертвовать собою для спасенія отечества. Исторія послѣдняго столѣтія представляетъ намъ списокъ знатныхъ фамилій, смѣняющихся при дворѣ, борящихся изъ за царской милости, и отрывающихъ взаимно не только эту милость, но даже жалованныя имѣнія. Это было вѣкомъ доносовъ и крамолъ. Нравы измѣнились съ тѣхъ поръ къ лучшему, но зависть не исчезла. Вся теорія награжденій основана на сравненіи чужой и собственной степени, отличія, чужихъ и собственныхъ заслугъ. При такихъ обстоятельствахъ нѣтъ возможности, чтобы не возрождалось зависти; ей еще благопріятствуетъ существующая у насъ на выборахъ крытая балотировка, дозволяющая безотвѣтственно подрывать вліяніе тѣхъ самихъ лицъ, которыхъ увѣ-

ряютъ въ своемъ уваженіи и преданности. Провинціальное дворянство, даже лица чуждыя всякому служебному честолюбію, находятся также въ нѣкоторой борьбѣ. Между ними очень мало общенія, и мелкопомѣстные дворяне одного селенія другъ друга дичатся и избѣгаютъ. У нихъ нѣтъ никакого общаго гражданскаго занятія, никакого повода къ обмѣну и соглашенію взглядовъ, и каждый помѣщикъ занятъ исключительно своимъ собственнымъ хозяйствомъ.

Я указалъ на нѣкоторыя причины дворянскихъ раздоровъ. Въ послѣднее время онѣ, къ несчастію, выказывались чрезвычайно рѣзко. Я немогу не сослаться здѣсь на слова одного изъ самыхъ глубокихъ мыслителей и усердныхъ патріотовъ, который когда либо существовалъ. Написанное Буркомъ въ 1790[мъ] году письмо такъ справедливо, что оно приспособляется какъ нельзя вѣрнѣе къ нѣкоторымъ русскимъ личностямъ 1859 года. Turbulent, discontented men of quality, in proportion as they are puffed up with personal pride and arrogance, generally despise their own order. One of the first symptoms they discover of a selfish and mischievous ambition is a profligate disregard of a dignity of which they partake with others. (Когда лица высокаго происхожденія беспокойны и недовольны, то чѣмъ болѣе они надуты своей личной важностью и надмѣнностью, тѣмъ болѣе они презираютъ свое собственное сословіе. Первымъ признакомъ ихъ егоистическаго и вреднаго честолюбія есть нахальное презрѣніе того самаго достоинства, которымъ они вообще съ другими облечены.)

Пора намъ сблизиться, ознакомиться и подружиться. Не возможно чтобы это не случилось, и даже скоро. Наши общія дѣла, общія опасности и общая польза насъ сблизятъ и заставятъ искать взаимнаго сочувствія и уваженія. При настоящихъ измѣненіяхъ въ законахъ о пользованіи собственностью, намъ будетъ предстоять необходимость въ постоянныхъ сношеніяхъ. Согласованіе въ цѣнахъ за отдачу въ наемъ земли, круговая обязанность не подрывать взаимно хозяйственнаго устройства, и множество обстоятельствъ, тѣсно соединенныхъ съ мѣстнымъ управленіемъ, заставятъ помѣщиковъ прибѣгать часто къ дружескимъ собраніямъ для обсужденія общей пользы. Въ Англіи образовалось такъ называемое grand jury — періодическое собраніе избранныхъ помѣщиковъ для совѣщанія о мѣстныхъ общественныхъ дѣлахъ. Желательно чтобы устроилось и у насъ въ провинціи что-нибудь въ этомъ родѣ; и очень вѣроятно что это сбудется. Правительство много выиграетъ чрезъ таковыя собранія и пріобрѣтетъ свѣдѣнія о нуждахъ жителей, о богатствѣ края, объ опасныхъ и подозрительныхъ людяхъ, скрывающихся въ краю, о нужныхъ улучшеніяхъ въ средствахъ сообщенія и проч. Нельзя по этому предполагать, чтобы правительство запретило періодическія собранія дворянства, которыя должны принести самую большую пользу всѣмъ дворянамъ, живущимъ въ своихъ имѣніяхъ.

Театромъ нашего патріотизма не будутъ исключительно столицы, но и провинціи. Нашимъ двигателемъ будетъ общественное мнѣніе, нашимъ

награжденіемъ будетъ уваженіе ближайшихъ, строжайшихъ и неподкупныхъ судей — самихъ дворянъ, нашихъ сословныхъ, нашихъ равныхъ. Похвальное честолюбіе самыхъ благородныхъ и способныхъ людей разовьется на этомъ поприщѣ, и прійдетъ время, когда министры будутъ искать совѣта въ провинціальномъ дворянствѣ. Пока они сами не найдутъ это полезнымъ, не станемъ тревожить ихъ нашими проэктами о государственныхъ преобразованіяхъ.

Предстоятъ однако и въ новомъ порядкѣ вещей опасности и искушенія, которыхъ мы не избѣгнемъ, если не вооружимся напередъ твердымъ рѣшеніемъ исполнять чистосердечно наши обязанности передъ отечествомъ и сословіемъ, которому мы принадлежимъ. Жажда популярности можетъ быть также отвратительна, какъ и низость передъ начальствомъ; но поклоненіе страстямъ и заблужденіямъ народныхъ массъ несравненно пагубнѣе своими послѣдствіями искательства около одного начальника. Найдутся люди, готовые употребить свои дарованія болѣе для своей славы, чѣмъ для общей пользы, возбуждающіе страсти своими рѣчами, и желающіе выказаться жертвами своего самоотверженія за правду. Таковые руководители вредны не только для спокойствія, но и для достиженія самыхъ дозволительныхъ цѣлей. Они опасные союзники.

Популярность внѣ своего круга можетъ быть куплена недозволительными средствами, точно также, какъ и популярность въ нашемъ кругу. Кто, напримѣръ, воспользуется своимъ богатствомъ,

чтобъ объявлять крестьянамъ чрезвычайныя льготы сверхъ тѣхъ, на которыя они имѣютъ законное право, можетъ взволновать такими дѣйствіями цѣлый округъ, и возбудить неудовольствіе всѣхъ крестьянъ, служащихъ у другихъ помѣщиковъ, немогущихъ дѣлать подобныхъ пожертвованій безъ разоренія. Милость можетъ быть также лицемѣрна, какъ и краснорѣчіе. Истинное человѣколюбіе найдетъ всегда средства дѣлать добро ближнему безъ опасности для общества. Нашъ сословный духъ долженъ всегда напоминать намъ объ уваженіи къ взаимнымъ пользамъ; безъ того мы будемъ измѣнниками передъ нашими братьями точно также, какъ еслибы мы домогались посредствомъ доносовъ конфискацій смежныхъ земель въ нашу пользу.

Богатое дворянство можетъ безъ сомнѣнія отдѣлиться вовсе отъ бѣднаго, но въ такомъ случаѣ ему лучше не показываться никогда ни на дворянскихъ выборахъ, ни въ собственныхъ своихъ имѣніяхъ, истощать въ суетныхъ удовольствіяхъ свои достоянія и искать, по прежнему, производства въ чины за мнимо государственную службу.

Но поступающіе такимъ образомъ ошибутся въ своихъ расчетахъ, если будутъ надѣяться прельстить Европу своей западной гражданственностью. Чрезмѣрная любезность нисколько не покоряетъ сердца. Многоли мы пріобрѣли уваженія во Франціи, говоря въ Парижѣ по французски почти также чисто какъ французы? въ Англіи, говоря въ Лондонѣ по французски съ принужденно англійскимъ произношеніемъ? Какъ объ насъ отзываются вообще писатели отъ временъ Флетчера до Кюс-

тина? Должны ли мы пренебрегать вовсе ихъ критикой? Это-былобы возможно, еслибы они не были такъ согласны между собою, еслибъ между ними было болѣе одобряющихъ, чѣмъ осуждающихъ, еслибъ было хотя значительное меньшинство первыхъ. Но объ насъ говорятъ: grattez le Russe et vous trouverez au-dessous le Tartare.

Назначеніе богатыхъ дворянъ—служить примѣромъ своимъ сословнымъ и быть сподвижниками своимъ бѣднымъ товарищамъ во всякомъ полезномъ дѣлѣ. Отвѣчая этому назначенію, они пріобрѣтутъ права на уваженіе, какимъ они до сихъ поръ рѣдко пользовались отъ своихъ товарищей, потому именно, что при рѣдкихъ своихъ пріѣздахъ въ провинцію, они казались какими то чужеспранцами, тщеславными и почти лишними для отечества. Между тѣмъ они могутъ имѣть самое полезное и благородное вліяніе и, образуя другихъ, взаимно образовываться и сами, знакомясь съ хозяйствомъ, съ провинціальными интересами, однимъ словомъ съ своими обязанностями къ отечеству. Наши понятія объ этихъ обязанностяхъ сдѣлаются для насъ яснѣе, когда будутъ происходить отъ части къ цѣлому, а не отъ цѣлаго къ частямъ, т. е. отъ себя самаго къ семейству, отъ семейства къ приходу, отъ прихода къ уѣзду, и наконецъ отъ уѣзда ко всему государству. Обратный порядокъ разсужденія объ отечествѣ указываетъ намъ одно огромное государство, простирающееся отъ Вислы до Тихаго океана. Но это панорамическое понятіе объ отечествѣ слишкомъ обширно и безплодно; оно только указываетъ на

пространство и границы владѣнія, не затрогивая нашихъ сердечныхъ чувствъ, чувствъ, которыя римляне называли *charitas patriæ*.

Богатое дворянство, входя въ постоянный союзъ съ бѣднымъ, будетъ посредникомъ для здраваго обмѣна мыслей между Петербургомъ и провинціей, для соглашенія мѣстныхъ выгодъ съ правительственными нуждами и для соблюденія вообще любви и мира. Представители большихъ поземельныхъ интересовъ не будутъ никогда лишними членами въ такомъ обществѣ, гдѣ многіе добываютъ, или добывали средства жизни службой въ присутственныхъ мѣстахъ. Сіи послѣдніе, какъ бы ни были полезны, какъ дѣльцы и законники, бывали часто подвергаемы большимъ искушеніямъ и, быть можетъ, изощряли свои способности на то только, чтобы избѣжать власти закона. Напротивъ того люди, недоступные по самому своему состоянію таковымъ искушеніямъ, привыкли къ образу мыслей охранительному и къ разрѣшенію вопросовъ въ духѣ согласномъ съ законами. Ихъ благіе совѣты должны давать примирительный характеръ совѣщаніямъ. « Богатое дворянство, — говоритъ тотъ же Буркъ, въ знаменитомъ письмѣ о французской революціи, — какъ бы оно мало не отличалось умомъ, служитъ по крайней мѣрѣ балластомъ въ государственномъ кораблѣ. Государство держится не только искусствомъ, но и собственностью; но, такъ какъ искусство есть элементъ дѣятельный и сильный, а собственность, напротивъ того, элементъ сонный, тяжелый и боязливый, то послѣдній элементъ всегда будетъ заглушенъ

первымъ, если не будетъ имѣть въ совѣщаніяхъ числительнаго преимущества. Нужно, чтобы огромныя состоянія, особенно возбуждающія зависть и привлекающія грабежъ, были бы ограждены отъ всякой опасности. Тогда они составятъ натуральную ограду среднихъ и меньшихъ состояній. Чѣмъ болѣе такія имѣнія раздробляются, тѣмъ болѣе ослабляется это благодѣтельное вліяніе. Расхищеніе немногихъ большихъ состояній обогатило бы неощутительнымъ образомъ толпу; но толпа не способна дѣлать такого расчета, а поджигатели грабежа никогда не бываютъ намѣрены, чтобъ толпа совершила раздѣлъ въ свою пользу. Говорятъ, что двадцать четыре милліона людей стоятъ болѣе двухъ сотъ тысячъ. Это было бы справедливо, еслибы королевство было ариѳметической формулой. Но для мыслящихъ людей это заключеніе просто смѣшно. Желаніе многихъ и польза многихъ часто совершенно противуположны другъ другу. Правительство, состоящее изъ пяти сотъ подъячихъ и необразованныхъ людей, не годится для управленія двадцатью четырьмя милліонами, хотябы ихъ избрали сорокъ восемь милліоновъ.»

Достойно замѣчанія, что Буркъ, высказавшій эти мысли, не былъ ни лордомъ, ни богатымъ помѣщикомъ, но адвокатомъ.

Но меня спросятъ съ какою цѣлью и какимъ образомъ составить предложенный мною союзъ дворянства? Не есть-ли это только благое, но чисто теоретическое и несбыточное желаніе? Этотъ грустный вопросъ, который невозможно не предвидѣть, обязываетъ меня перейти отъ общихъ

мѣстъ къ болѣе подробному начертанію предмета моего разсужденія. Я долженъ поэтому разобрать его по отдѣламъ хозяйственному и административному, наблюдая опять указанный выше порядокъ перехода отъ части къ цѣлому и отъ личности къ отечеству.

Quod illi principi et præpotenti Deo, qui omnem hunc mundum regit, nihil eorum quæ quidem fiant in terris acceptius quam concilia et cœtus hominum jure sociati.

До сихъ поръ, у насъ въ Россіи, помѣщики пахотныхъ имѣній получали доходъ нетолько какъ собственники земли, но и какъ воздѣлыватели оной. Они были нетолько владѣльцы, но и хозяева. Изъ трехъ составныхъ частей, на которыя экономисты распредѣляютъ доходы съ имуществъ, поземельный доходъ (rente), барышъ или прибыль (profit) арендатора, и жалованье работникамъ (salaire), помѣщики получали первыя двѣ части, и не платили третьей (рабочей платы), но въ замѣнъ опой давали землю въ пользованіе своимъ крестьянамъ. Непремѣннымъ слѣдствіемъ емансипаціи бу-

дешь то, что современемъ эти три составныя части доходовъ распредѣлятся у насъ, какъ и у другихъ народовъ, по тремъ различнымъ назначеніямъ. Помѣщикъ получитъ ренту, арендаторъ земли — прибыль отъ обработки оной, наконецъ работникъ — плату за свою поденную работу. Смѣшеніе въ нашихъ понятіяхъ помѣщика съ фермеромъ, и работника съ фермеромъже очень естественно. Это объясняется тѣмъ, что простыхъ хозяевъ до сихъ поръ у насъ не было; и помѣщикъ былъ хозяиномъ на господской землѣ, и крестьянинъ былъ хозяиномъ на арендной, такъ называемой крестьянской. Помѣщику прійдется пожертвовать частью своихъ доходовъ, когда онъ начнетъ отдавать свою землю въ аренду; арендаторъ или фермеръ долженъ будетъ платить помѣщику оброкъ или ренту за пользованіе землей, отдѣлять часть денегъ на уплату работникамъ, а остальныя за тѣмъ считать своей прибылью и вознагражденіемъ за свои труды. Помѣщики не могутъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и фермерами, потому что они не имѣютъ ни свѣдѣній, ни возможности быть повсюду; фермеры же не могутъ быть работниками, потому что для исполненія сельскихъ работъ, нужны физическія силы многихъ; наконецъ работники не могутъ быть фермерами по неимѣнію капиталовъ. При устроеніи правильныхъ коммерческихъ отношеній въ земледѣліи, такъ называемая барщина или господская запашка выйдетъ вовсе изъ употребленія. Капиталы, жертвуемые спеціальными людьми или фермерами на обработку господской земли, получатъ свой про-

ценитъ, работники плату за свои труды, а помѣщикъ, лишенный права на обязательный трудъ, явно получитъ одну ренту за землю. Весьма сомнительно, чтобы крестьяне, получающіе плату по вольной цѣнѣ за свою работу, оставались всегда въ выигрышѣ противъ настоящаго своего положенія. Крѣпостное состояніе, позволявшее нѣкоторымъ помѣщикамъ удерживать должную плату работникамъ за трудъ ихъ, благопріятствовало съ другой стороны крестьянамъ особенно нерадивымъ тѣмъ, что послѣдніе были призрѣваемы сверхъ заслугъ и спасаемы пожертвованіями помѣщиковъ отъ разоренія чрезъ неурожаи, пожары, скотскіе падежи и другія бѣдствія. Помѣщики должны были помогать крестьянамъ не по одному добродушію, но и по нуждѣ въ обзаведенныхъ и исправныхъ работникахъ.

Нѣкоторые люди, одушевленные человѣколюбивыми побужденіями, выразили желаніе сдѣлать рабочій класъ независимымъ отъ владѣльческаго, чрезъ удѣленіе каждому работнику участка земли, который бы онъ не былъ вправѣ отчуждать; другими словами принуждать его быть сытымъ. Но если бы и не отдѣлять части земли, но отдать всю ее безъ исключенія рабочимъ, то и эта всеобщая принужденная собственность простоитъ одинъ день и рушится въ слѣдующій. Собственность требуетъ для своей самостоятельности условій, которыя не всѣмъ свойственны. Больные, старые, увѣчные, слабые, пьяницы, моты скоро выпустятъ изъ своихъ рукъ владѣнія, которыми законъ надѣлилъ бы ихъ. Соціализмъ и коммунизмъ не будутъ

никогда религіей народовъ, какъ нѣкоторые мечтаютъ; они могутъ пройти по лицу земли, какъ опустошающее повѣтріе, но вскорѣ за нимъ возникнутъ вновь владѣльцы, не прежніе быть можетъ, но всетаки владѣльцы; при новыхъже владѣльцахъ явятся и работники земли, и наконецъ спеціальные земледѣльцы, образующіе третій средній классъ, фермеровъ. Таково будетъ положеніе вещей безъ переворотовъ, если мы не станемъ дѣлать новыхъ опытовъ; но тоже самое положеніе послѣдуетъ окончательно, хотябы мы и стали бороться съ естественнымъ теченіемъ вещей.

И такъ намъ надо имѣть въ виду, что помѣщики на первую пору обѣднѣютъ, и что работники не всѣ и не тотчасъ получатъ улучшеніе въ своемъ состояніи; тѣ и другіе сожмутся въ противныхъ направленіяхъ, чтобы пропустить между собою третье лицо—фермера, и удѣлить часть доходовъ отъ земли для вознагражденія его трудовъ и капитала. Я уже объяснилъ по какой причинѣ ни помѣщику, ни работнику невозможно обойтись безъ этаго посредника.

Помѣщикамъ прійдется покупать за деньги всѣ потребныя для жизни вещи, ибо самый хлѣбъ, воздѣланный на ихъ землѣ, произведенъ съ помощью труда. Это совершенно справедливо, тѣмъ не менѣе оно будетъ для нихъ крайне затруднительно и тягостно; они должны будутъ сократить свои расходы, какъ бы послѣдніе ни были умѣренны. Многоли такихъ, у которыхъ деньги въ запасѣ?

Непремѣннымъ слѣдствіемъ будетъ продажа въ огромномъ количествѣ мелкихъ имѣній для того,

чтобъ добыть насущный хлѣбъ, или для пріобрѣтенія достаточно денегъ на воздѣлываніе наёмной земли; ибо, какъ доказано опытомъ, выгоднѣе обращать капиталъ на обработку чужой земли, чѣмъ имѣть мертвый капиталъ въ землѣ, которую не чѣмъ обрабатывать.

Покупщики мелкихъ имѣній найдутся между однодворцами, между крестьянами, нажившими небольшіе капиталы, можетъ быть и между богатыми помѣщиками, находящими выгоднымъ округлить свои дачи. Со всѣмъ тѣмъ бѣдные помѣщики будутъ въ положеніи перелетныхъ птицъ, которыя при приближающихся морозахъ готовятся улетѣть въ дальнія страны. Многимъ прійдется разстаться съ своимъ родительскимъ домомъ, съ кладбищемъ, въ которомъ покоятся ихъ предки. Чтобъ удалить эту горькую минуту, они станутъ продавать одну вещь за другою, но, не смотря на всѣ лишенія, наступитъ роковой день; они принуждены будутъ уложить въ сундукъ свои образа и домашнюю утварь, и пойти вслѣдъ за своимъ скуднымъ обозомъ изъ подъ тѣни липъ, которыя сохраняютъ на много лѣтъ фамилію отшельцевъ.

Не думаю, чтобъ ихъ сосѣди могли смотрѣть равнодушно на эту картину. Какія бы ни были ихъ прежнія отношенія, они сжалятся надъ участью, которая можетъ быть когда нибудь и ихъ постигнетъ. Если бы фамиліи имѣли, какъ и государства, своихъ бытописателей, то изъ хроникъ ихъ было бы видно, что фамиліи подобно государствамъ возникаютъ, процвѣтаютъ и разрушаются.

Мелкіе помѣщики существовали въ иныхъ слу-

чаяхъ единственно посредствомъ крѣпостнаго труда крестьянъ. Они вознаграждали ихъ иногда самымъ скуднымъ образомъ, потому что трудъ былъ обязателенъ по закону. Собственное состояніе ихъ было такъ ограничено, что угнѣтеніе крестьянъ являлось, такъ сказать, исходнымъ пунктомъ для ихъ собственнаго пропитанія съ семействомъ. Они вступали при таковомъ условіи въ свое владѣніе. Помѣщики такіе будутъ теперь жертвами того жестокаго для нихъ, но существенно справедливаго, закона, который установитъ на будущее время плату за трудъ на взаимномъ согласіи. Не будетъ возможности дворянамъ отстранить судьбу, угрожающую мелкимъ помѣщикамъ; ни законъ, ни взаимное согласіе не могутъ установить въ систему благотворительность, разорительную для благотворителей. Но смягчить эту судьбу будетъ возможно.

Недостатокъ въ кредитѣ и въ наличныхъ деньгахъ принудитъ многихъ не только продавать свои имѣнія, но и отдавать ихъ за безцѣнокъ. Желательно, чтобъ они по крайней мѣрѣ сходили со степени бѣдныхъ, и потому только жестокихъ владѣльцевъ, на степень людей, имѣющихъ средства жизни, и чтобъ они получали ту полную цѣну, которую бывшія ихъ имѣнія будутъ имѣть для капиталистовъ. Дворяне должны поддерживать цѣнность сосѣднихъ имѣній.

Очень легко узнавать въ уѣздѣ и въ губерніи, кто расположенъ къ поземельнымъ покупкамъ, и еще виднѣе, кому продажа необходима. Число первыхъ увеличится, а послѣднихъ уменьшится,

коль скоро будетъ болѣе средствъ денежнаго обращенія. Застой въ этомъ обращеніи понижаетъ имѣнія ниже ихъ настоящей цѣнности. Сдѣлки совершаются вообще секретно между двумя лицами, продавцемъ и покупателемъ. Первый вообще не любитъ разглашать свои намѣренія; но вдругъ наступаетъ роковая минута необходимости, и онъ принужденъ согласиться даже на самую невыгодную цѣну. Помѣщики могли бы заблаговременно объявлять, за какую сумму они были бы готовы купить прилегающія или отдаленныя угодья, хотя бы они и не числились еще вовсе продажными. Неизвѣстный продавецъ по крайней мѣрѣ узнаетъ на какую цѣну онъ можетъ надѣяться, и сравнитъ съ нею неожиданныя и конфиденціальныя предложенія. Онъ уступитъ постороннему купцу или все имѣніе за цѣну выше объявленной сосѣдями, или часть, выговаривая угодья, имѣющія высшую цѣнность въ мелочной такъ сказать продажѣ земли. До совершенія продажнаго условія, онъ сообщитъ его сосѣдямъ, чтобъ узнать надбавятъли они на цѣну, или откажутся отъ торга. Такимъ образомъ участь его не будетъ зависѣть отъ одного лица. Но это средство заблаговременной оцѣнки имѣнія сосѣдями можетъ быть полезнымъ только для послѣдняго дѣйствія, именно для продажи имѣнія. Оно нисколько не облегчитъ денежнаго обращенія столько же нужнаго для покупщика, какъ и для продавца.

Убыточныя продажи произведеній земли происходятъ еще чаще, чѣмъ разорительныя продажи имѣній. Цѣна хлѣба должна непремѣнно и сильно

подняться. До сихъ поръ намъ случалось безпрестанно продавать хлѣбъ въ убытокъ, если принимать въ цѣну и ренту за землю, и крестьянскій трудъ. Отселѣ эта ошибка уже не будетъ возможна, потому что будучи принуждены платить за трудъ, мы еще потребуемъ сколько нибудь и за землю. Но хлѣбъ долженъ непремѣнно возвыситься въ цѣнѣ еще по другой причинѣ: его будутъ сѣять гораздо менѣе прежняго, и причина тому самая ясная.

При крѣпостномъ положеніи, помѣщикъ понуждалъ своихъ крестьянъ къ обработкѣ самой неблагодарной почвы, не имѣя въ своемъ распоряженіи лучшей, и довольствовался 4мъ или 3мъ зерномъ. Но на будущее время это будетъ невозможно и не выгодно для самаго помѣщика. Равный трудъ, употребленный на землю самую плодородную и на самую скудную, имѣетъ право на равное вознагражденіе. Никакой свободный работникъ на свѣтѣ не согласится получить меньшую плату за то только, что требованный отъ него трудъ безполезенъ для его хозяина. Если одинъ крестьянинъ получаетъ за пахоту десятины хорошей земли одинъ рубль, то другой крестьянинъ не возьметъ менѣе рубля за пахоту самой дурной земли. Если даже обратить деньги въ пользованіе землей, всегда будутъ требовать равную плату за равный трудъ. Если за обработку одной десятины лучшей земли крестьянину дается въ пользованіе одна десятина таковой же земли, то крестьянинъ не согласится взять за обработку худшей земли одну только десятину таковой же въ пользованіе, но потре-

буетъ еще денежную приплату. Плохая земля, негодная ни для помѣщика, ни для крестьянина, останется праздною. Но я объ этомъ ни сколько не сѣтую. Трудъ, отшедшій отъ скудной земли, обратится къ лучшей, и не останется даже при лучшей землѣ, если будутъ какіе либо промыслы, обѣщающіе болѣе пользы чѣмъ земледѣліе.

Однако хлѣбъ, какъ вещь необходимую для жизни, будутъ сѣять, но только на самыхъ лучшихъ земляхъ, и земледѣльцы будутъ требовать плату не менѣе выгодную получаемой отъ всякаго другаго промысла. Хлѣбъ вздорожаетъ не только по мѣрѣ увеличенія платы работникамъ, но и по мѣрѣ уменьшенія производимыхъ посѣвовъ.

Крестьяне будутъ переселяться не по принужденію, но по собственной необходимости. Капиталы станутъ также переселяться изъ однихъ земель въ другія, и съ земли въ города. Какія бы запретительныя мѣры не изобрѣтали противъ этого результата, его отложатъ только на время.

Свобода подвижности, заклейменная до сихъ поръ весьма неосновательно именемъ бродяжничества, будетъ благодѣтельна для земледѣлія. Народъ упразднитъ мѣста, въ которыхъ онъ до сихъ поръ былъ скопленъ къ собственному своему разоренію, и будетъ болѣе простора [illegible] деревнями. Скопленіе народа черезъ силу и безъ всякой пропорціи къ производительности мѣстъ было главною причиною истощенія почвы въ Псковской, Смоленской и многихъ другихъ губерніяхъ. Еслибъ не крѣпостное положеніе, Россія была бы населена

несравненно равномѣрнѣе теперешняго; не было бы плодородныхъ губерній безъ жителей, а центральныя губерніи не были бы населены излишними потребителями. Освобожденіе крестьянъ значительно поправитъ большое зло, причиненное нашей почвѣ продолжительнымъ прикрѣпленіемъ народонасенія къ истощеннымъ мѣстностямъ. Оно было противно интересамъ не только крестьянъ, но и всего государства.

Нашъ суровый климатъ связываетъ хозяйство такими условіями, которыя неизвѣстны въ другихъ странахъ Европы, хотя расположенныхъ подъ тѣми же градусами широты. Тамъ рабочая полевая пора длится семь, восемь и до десяти мѣсяцевъ. Въ большинствѣ хлѣбородныхъ Россійскихъ губерній соха можетъ выходить въ поле не болѣе четырехъ мѣсяцевъ въ году. Въ это короткое время мы должны и пахать землю, и убирать поспѣвающій хлѣбъ, и косить праву. Всѣ работы сходятся въ самую знойную часть лѣта. Озимой хлѣбъ поспѣваетъ часто къ самому времени сѣнокоса. Занимаясь однимъ, мы упускаемъ другое; сѣно собрано въ половину, между тѣмъ какъ хлѣбъ, еще не сжатый, поспѣлъ и высыпается. Подходитъ время осенней пашни, и хотя бы была засуха, невозможно дождаться дождя; надо пахать хоть въ золу, но въ пору, чтобъ не упустить послѣдней поры зимняго посѣва. При такой спѣшности земледѣльческихъ работъ, мы успѣваемъ пахать только поверхностно; выполывать сорныя травы нѣтъ никакой возможности, но расчитывая на умѣренный урожай, мы пашемъ хотя дурно, но сколь можно

большее количество земли. Мы царапаемъ землю, и она даетъ намъ столькоже бобовника и другихъ безполезныхъ травъ, сколько хлѣба. Удобреніе земли посредствомъ навоза возможно только тамъ, гдѣ ея очень мало, и гдѣ поля подходятъ къ самой околицѣ деревни. Навозъ у насъ необиленъ, потому что на пространство нашихъ полей рогатаго скота приходится очень мало. Падежи, почти неизвѣстные въ другихъ государствахъ, повторяются у насъ ежегодно, и потому рогатый скотъ не умножается. Но хотя бы его было много, то времени мало, чтобъ вывозить и раскладывать навозъ въ поляхъ. Пока въ другихъ странахъ пашутъ небольшія пространства, но пашутъ глубоко, навозятъ обильно, усиливаютъ натуральный навозъ дорогими химическими растворами и гуано, привозимымъ въ корабляхъ съ Тихаго Океана, пока обогащаютъ еще почву корнеплодными растеніями, мы дѣйствуемъ совершенно на оборотъ. Мы пашемъ сколь можно поверхностнѣе, чтобъ распахать сколь можно болѣе, и годъ отъ году болѣе истощаемъ землю. Вотъ причина обѣднѣнія Витебской и многихъ другихъ губерній, и происходящаго у насъ повсюду ослабленія земли. Доходъ, который земля давала намъ до сихъ поръ, былъ не доходъ, но часть самаго капитала.

Шесть десятинъ на душу въ имѣніи считается вообще очень порядочной пропорціей, потому только, что при нашей трехпольной системѣ мы не расчитываемъ, что истощаемъ капиталъ нашего потомства. Но если этотъ капиталъ долженъ сохраняться на будущее время, то двадцать десятинъ

на душу былобы пропорціей нетольно свойственной съ размѣрами Россіи, но и потребной для отдохновенія земли. Наше хозяйство должно состоять въ продолжительныхъ залежахъ. Я выразилъ впервые это мнѣніе въ одной безъимянной брошюрѣ, и эта мысль была одобрена, въ *Revue des Deux Mondes*, однимъ изъ извѣстнѣйшихъ экономистовъ нашего времени. Это конечно родъ топорнаго и соннаго хозяйства въ сравненіи съ утонченными изобрѣтеніями и дѣятельностью западныхъ земледѣльцевъ, но всетаки оно не такое варварское, какъ происходившее у насъ донынѣ. Оно справедливѣе къ землѣ, оно не нарушаетъ правъ земли, оно не истощаетъ землю.

По всему этому я повторяю, что я нисколько не страшусь уменьшенія запашекъ и посѣвовъ въ Россіи, и предвижу, что если у насъ будетъ менѣе хлѣба, за то земля отдохнетъ и сдѣлается черезъ нѣсколько лѣтъ плодороднѣе. Нашъ доходъ уменьшится, но за то капиталъ упрочится.

Я кажется объяснилъ достаточно причины неминуемаго повышенія въ цѣнѣ хлѣба; таковое же повышеніе должно послѣдовать и въ цѣнѣ земель, отдаваемыхъ подъ посѣвъ, особенно если мы убѣдимся въ необходимости принять продолжительные залежи въ основаніе нашего хозяйства. Эти два факта по моему мнѣнію очень важны, и указываютъ на средства, которыя дворяне могутъ обратить въ свою пользу и въ свою защиту въ настоящемъ принужденно оборонительномъ положеніи. Я долженъ былъ дозволить себѣ это длинное отступленіе о цѣнахъ на хлѣбъ и на землю, чтобъ

объяснить въ какихъ хозяйственныхъ дѣйствіяхъ требуется согласіе и единодушіе дворянъ.

При предстоящемъ огромномъ, неминуемомъ переломѣ въ интересахъ, цѣна однихъ имѣній будетъ состоять въ количествѣ и въ качествѣ всей земли, другихъ въ цѣнѣ одной огородной земли, третьихъ въ цѣнности крестьянскихъ домовъ въ имѣніи, наконецъ четвертыхъ въ близости городовъ и торговыхъ пунктовъ. Но мнѣ предстоитъ вопросъ: какъ съумѣютъ помѣщики найтись при этомъ переломѣ? Куда обратиться имъ за помощью, и на кого надѣяться, если не будетъ между ними единодушія въ дѣлѣ взаимной пользы? Хотя нельзя запретить бѣжать изъ упадающей мѣстности въ возникающую, но это бѣгство будетъ одно самосохраненіе для тѣхъ людей, которые надѣются уплыть отъ погибающаго судна. Переносить свои капиталы въ отдаленную губернію можетъ быть очень благоразумно, но это будетъ, въ меньшей степени, точно такимъ же патріотическимъ подвигомъ, какъ вывозъ своихъ капиталовъ за границу для закупа иностранныхъ фондовъ. Въ послѣднемъ случаѣ капиталъ теряется отечествомъ, въ первомъ —нашей родиной, т. е. тою частью нашего отечества, которою мы до сихъ поръ особенно дорожили; часть же эта для каждаго изъ насъ есть земля, которою мы до сихъ поръ владѣли и въ которой мы и наши предки жили. Для нѣкоторыхъ людей переходить на другую мѣстность невозможно. Многіе помѣщики не будутъ въ состояніи покупать отдаленныхъ имѣній, потому что у нихъ нѣтъ никакой собственности, кромѣ той земли,

на которой они сидятъ. Ихъ-то не надобно оставлять, и по крайней мѣрѣ поддерживать хоть на первую пору, не допуская до того крайняго обѣднѣнія, при которомъ всякое вспоможеніе будетъ уже тщетнымъ. Выгодныя цѣны на хлѣбъ и на отдачу земли въ наёмъ — два главныя средства поддержки дворянскихъ состояній.

Очень трудно изслѣдовать ходъ любой отрасли торговой промышленности и опредѣлить, на какихъ пунктахъ своего развитія она даетъ извѣстные проценты иному не болѣе 5, другому 10, третьему 15 или 20. Образцы такого прозаическаго но очень полезнаго труда находятся во многихъ рѣчахъ англійскихъ государственныхъ людей, на пр. въ рѣчахъ Каннинга о хлѣбной торговлѣ и Пиля о налогѣ на солодъ. Покойный Тенгоборской собралъ нѣкоторые очень любопытные и полезные опыты въ этомъ родѣ, сдѣланные имъ по разнымъ отраслямъ нашего хозяйства. Сколько не осмѣивали его книгу о производительныхъ силахъ Россіи, мы должны быть благодарны ему за это полезное сочиненіе. Что̀ относится до нашей хлѣбной торговли, то намъ извѣстно только, что вообще всѣ производители продаютъ хлѣбъ свой очень дешево, а потребители очень дорого покупаютъ его. Хлѣбъ такъ дешевъ въ Россіи, по крайней мѣрѣ для купцевъ, что они могутъ съ выгодой продавать его за границу; но печеный хлѣбъ, продаваемый въ нашихъ столицахъ, бываетъ иногда дороже, чѣмъ въ Англіи. Кто нибудь да получаетъ эту огромную разницу между первой и послѣдней продажными цѣнами. Она раздѣляется

вѣроятно между купцомъ-капиталистомъ и булочникомъ. И тотъ и другой наживаютъ у насъ огромныя состоянія. Дворянину невозможно входить въ мелочныя продажи, но онъ долженъ по крайней мѣрѣ ограждать себя отъ ошибокъ въ дѣлахъ съ торговыми людьми, и имѣть возможность выждать повышенія въ цѣнахъ. Сельское дворянство должно собирать со всѣхъ сторонъ свѣдѣнія о цѣнахъ, объ урожаяхъ, о мѣстныхъ и заграничныхъ потребностяхъ въ хлѣбѣ. Надобно читать газеты, и своей губерніи и сосѣднихъ губерній, Петербургскія и Московскія и заграничныя и наблюдать также за тѣмъ, чтобъ торговыя свѣдѣнія въ своей губернской газетѣ были вѣрны и полны; кромѣ того получать отъ надежныхъ корреспондентовъ телеграфическія свѣдѣнія о внезапныхъ перемѣнахъ въ цѣнахъ, или о происшествіяхъ, предвѣщающихъ таковыя перемѣны. Если нѣтъ въ числѣ дворянъ капиталиста, то надобно открыть дружескія сношенія съ благонадежнымъ купцомъ въ своей мѣстности, и пригласить его къ полезному содѣйствію дворянамъ въ дѣлахъ съ иногородными купцами. Надобно, чтобы этотъ провинціальный Ротшильдъ могъ найти свою выгоду въ обезпеченіи дворянамъ настоящей цѣнности своихъ хлѣбныхъ произведеній. Къ обычнымъ условіямъ, что цѣна за хлѣбъ условлена такая-то, а въ случаѣ повышенія цѣнъ къ сроку сдачи такая-то, желательно бы прибавить еще новое условіе, что въ случаѣ непредвидѣннаго выгоднѣйшаго посторонняго предложенія, нашъ мѣстный Ротшильдъ откажется отъ покупки хлѣба или дастъ высшую цѣну, если онъ считаетъ ее

выгодною для себя. Согласятсяли онъ на сіе послѣднее условіе, уменьшающее для него вѣроятность выгодныхъ спекуляцій? Можно кажется на это надѣяться, если всѣ дворяне согласятся содѣйствовать всѣмъ дозволительнымъ предпріятіямъ купца, ограждать его отъ прижимокъ, обидъ и оскорбленій, и обходиться съ нимъ, какъ съ благороднымъ человѣкомъ, если онъ точно будетъ достоинъ быть другомъ дворянъ, и носить штулъ, которымъ я заранѣе его награждаю — *дворянскаго совѣтника.* Мы будемъ просить, чтобы онъ при покупкахъ давалъ, какъ водится, задатокъ, для того, чтобы нуждающійся продавецъ могъ прокормиться, и даже выдержать свой кредитъ передъ ожидаемымъ издали купцомъ; но мы еще просимъ въ добавокъ, чтобы продавцу было предоставлено право и возвратить задатокъ, разумѣется съ законнымъ процентомъ. Въ замѣнъ этого новаго условія дворяне примутъ на себя обязанность, не менѣе драгоцѣнную по своей важности для купца, обезпечить его въ возвратѣ и въ цѣлости его задатка. Купецъ, не довѣряющій одному помѣщику, обратится ко всѣмъ дворянамъ и спроситъ ихъ, готовыли они обезпечить его задатокъ; послѣдніе въ иныхъ случаяхъ откажутся, но въ другихъ согласятся обезпечить сдѣлку своей круговой подписью. Въ семъ послѣднемъ случаѣ помѣщику, разстроенному въ дѣлахъ, дана будетъ отсрочка, чтобы перевести духъ и выпутаться изъ затруднительныхъ обстоятельствъ, выждать уплаты долговъ отъ своихъ кредиторовъ, оправдаться передъ судомъ, если онъ въ чемъ нибудь несправедливо замѣ-

шанъ, выручитъ залогъ, данный имъ на подрядъ, словомъ выйти изъ отчаяннаго положенія. Такого рода дѣло дастъ благотворителямъ чувство справедливаго самодовольствія и свяжетъ ихъ узами взаимнаго уваженія.

Съ уменьшеніемъ засѣвовъ и залуженіемъ полей скотоводство должно будетъ усилиться. Земли будутъ отдаваться подъ покосъ и пастьбу скота, но принесутъ на первые года умѣренный доходъ. Нѣкоторые помѣщики, у которыхъ земля еще не выпахана до безплодности, предпочтутъ отдавать ее подъ пашню, тѣмъ болѣе, что цѣна возрастетъ на пахотныя земли по мѣрѣ уменьшенія отдаваемаго въ аренду количества; другіе, въ виду улучшенія имѣнія для потомства, устроятъ залежное хозяйство, которое требуетъ обыкновенно нѣсколько лѣтъ послѣдовательнаго наблюденія для процвѣтанія въ будущемъ. Интересы первыхъ и послѣднихъ не будутъ всегда согласны.

Доходъ съ луговъ совершенно уничтожается при необходимости провоза сѣна на дальнее разстояніе; чтобы приносить доходъ владѣльцу, трава должна быть продана, или еще лучше, потреблена на мѣстѣ. Помѣщики будутъ рѣдко въ состояніи устроивать скотскіе заводы, значительностью своею соотвѣтственные пространству ихъ луговъ. Доходы ихъ будутъ зависѣть преимущественно отъ торговыхъ потребностей, и потому помѣщики большихъ запущенныхъ подъ траву полей будутъ всячески открывать посреди своихъ дачъ, или вблизи ихъ, проходы для торгующихъ скотомъ. Имъ прійдется согласоваться между собою на

счетъ дорогъ для этой торговли въ одно длинное направленіе луговой системы, потому что пашни, лежащія поперегъ траковъ, остановятъ проходъ стадъ. Но это дѣло будетъ довольно трудное и даже невозможное безъ общаго убѣжденія въ его пользѣ и великодушнаго снисхожденія къ положенію тѣхъ мелкихъ помѣщиковъ, которые, терпя нужду, не могутъ заботиться объ участи дальняго потомства и настаиваютъ на отдачу полей своихъ подъ посѣвъ хлѣба. Проходъ стадъ представится имъ страшнымъ для полей и для своей собственной скотины, которую имъ надо сберегать отъ заразы. Прійдется крупнымъ помѣщикамъ покупать мелкія имѣнія для сохраненія одного безпрепятственнаго тракта, или давать этимъ помѣщикамъ вознагражденіе для того, чтобъ они не препятствовали общей системѣ.

На счетъ цѣны сѣна не возможно будетъ заблаговременно сговариваться, такъ какъ и на счетъ хлѣбной продажи. Но можно въ виду общей пользы опредѣлить съ нѣкоторою точностью ту цѣну, ниже которой не почитается выгоднымъ отдавать землю ни подъ пашню, ни подъ покосъ. Найдутся всегда люди, вынужденные обстоятельствами дѣлать уступки противъ этой цѣны, но все таки эти уступки не будутъ столько разорительны для нихъ самихъ, и не унизятъ на столько арендныя цѣны въ окрестности, какъ еслибы не было предварительнаго соглашенія между помѣщиками. Чтобъ дать этому соглашенію нѣкоторый вѣсъ, собранные для сего предмета помѣщики могли бы слѣдовать вышеуказанному порядку для под-

держки цѣнъ на хлѣбъ и на продажныя имѣнія, и объявлять за какія цѣны расположены они сами брать въ аренду участки, прилегающіе къ ихъ дачамъ. Въ этомъ случаѣ пособіе купеческихъ капиталовъ будетъ также очень благодѣтельно.

Могло бы съ перваго взгляда показаться, что вступленіе купеческаго капитала въ состязаніе съ капиталами помѣщичьими, для найма или взятія въ аренду земли, будетъ болѣе вредно, чѣмъ полезно для мѣстности; потому что въ семъ случаѣ дѣло не съ иногороднымъ купцемъ, какъ въ продажѣ хлѣба, и не съ спекулянтомъ, который шоргуетъ имѣніе и предлагаетъ ничтожную цѣну. Арендаторъ земли бываетъ вообще одинъ изъ коренныхъ жителей края, и не можетъ предлагать цѣны много ниже обыкновенно принятой въ сосѣдствѣ. Но намъ надобно вспомнить, что на будущее время помѣщикъ и арендаторъ будутъ представлять собою совершенно различныя личности въ хозяйствѣ. Помѣщикъ будетъ вообще гораздо чаще отдавать въ наймы, чѣмъ самъ нанимать землю. Поддержка цѣны на землю именно необходима потому, что барщина не можетъ у насъ устоять на долго; мы не будемъ долго пользоваться той частью дохода, которая принадлежитъ собственно хозяину воздѣлывателю почвы, и должны будемъ довольствоваться однимъ доходомъ владѣльческимъ (droit au manoir, droit du seigneur).

Если я не ошибаюсь, то сказанное мною о продажѣ хлѣба относится еще въ сильнѣйшей степени къ продажѣ лѣсовъ. — Потеря въ послѣднемъ случаѣ простирается на всю мѣстность. Сосѣди тер-

пять не потому что лѣсъ проданъ дешево, но потому, что онъ уничтожается въ сосѣднихъ мѣстностяхъ. Въ такихъ случаяхъ помѣщикамъ этимъ необходимо, имѣя въ виду черный часъ, складываться, чтобы спасти лѣса отъ топора, хотя съ нѣкоторыми пожертвованіями. Какъ часто мы слыхали отъ людей, почитающихъ себя хозяевами, что они купили имѣніе и выручили половину покупной суммы черезъ продажу лѣса. Но они этимъ доказываютъ только, что они менѣе разсчетливы или добросовѣстны, чѣмъ ихъ разоренные предмѣстники во владѣніи; они разорили самое имѣніе, сдѣлавши его нежилымъ на будущее время; и, продавъ даже часть лѣса, во всякомъ случаѣ уменьшили запасъ очень дорогой, если онъ равнялся половинѣ капитала, даннаго имъ за все имѣніе. Упущеніе въ цѣнѣ, взятой за хлѣбъ, есть потеря части годоваго дохода, но потеря отъ дешевой продажи лѣса простирается по крайней мѣрѣ на 60 лѣтъ, если лѣсъ былъ осиновый, и на 80 и 100 лѣтъ, если онъ былъ березовый и сосновый. Это, скажутъ, относится собственно до несчастнаго продавца. Но я полагаю, что дешевая продажа лѣса вредна для всего общества, поощряя его къ безотчетному употребленію этого драгоцѣннаго матеріала. Нельзя думать безъ содроганія о будущемъ положеніи Москвы и ея окрестностей, въ которыхъ фабрики, движимыя паровой силой, существуютъ именно тѣмъ, что лѣсной матеріалъ достается фабрикантамъ ниже настоящей его цѣнности. Я готовъ это доказать.

Цѣна на березовыя дрова въ Москвѣ, положимъ,

8 рублей за сажень. Всѣ такъ платятъ, слѣдовательно тоже платятъ и фабриканты. Но изъ этихъ 8 р. большую часть, можетъ быть цѣлую половину, получаютъ они изъ чужихъ кармановъ, т. е. отъ всего русскаго народа, употребляющаго ихъ издѣлія. Огромная пошлина на заграничныя бумажныя произведенія, даетъ московскимъ фабрикантамъ возможность покупать сажень дровъ за 8 рублей. Увеличьте этотъ налогъ они еще наддадутъ цѣну на дрова, и вырубятъ весь лѣсъ всѣхъ окружныхъ губерній; уничтожьте напротивъ этотъ налогъ, и всѣ фабрики лопнутъ, и дрова упадутъ цѣною до настоящей потребности жителей въ отношеніи своихъ жилыхъ домовъ. Но есть средняя между двумя крайностями благоразумная середина. Между сохраненіемъ настоящаго высокаго налога и его уничтоженіемъ, можно бы найти средній путь — уменьшенія его.

Плата мануфактурнымъ работникамъ должна упасть по той самой причинѣ, по которой, какъ достаточно доказано, по крайней мѣрѣ для меня, плата земледѣльцевъ должна возвыситься. Съ уничтоженіемъ крѣпостнаго труда, съ неминуемымъ уменьшеніемъ пахотной работы число охотниковъ на всякую другую работу увеличится, и плата по этому уменьшится. Фабриканты, разсчитывая что въ другихъ губерніяхъ цѣна на дрова не доходитъ до одной четверти цѣны московской, между тѣмъ какъ въ тѣхъ же губерніяхъ цѣны работниковъ не превышаютъ цѣну московскихъ работниковъ, перенесутъ свои фабрики въ лѣсныя мѣстности и избавятъ Москву отъ своего опаснаго сосѣдства.

Не нужно прибѣгать здѣсь ни къ какимъ запрещительнымъ мѣрамъ, желательно напротивъ отступить хотя на одинъ порядочный шагъ отъ запрещительной системы, не находящей уже нигдѣ болѣе защитниковъ; не нужно приказывать напримѣръ всѣмъ фабрикантамъ перенести свои заведенія изъ Московской губерніи въ Олонецкую; они найдутъ туда дорогу сами, коль скоро наше правительство рѣшится уменьшить тотъ огромный налогъ, который поощряетъ фабрикантовъ къ дорогой покупкѣ и безотчетному расходу лѣса.

Но не одна Москва истребляетъ лѣсной матеріалъ. Онъ становится годъ отъ году необходимѣе для нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ, истребляемыхъ періодическими пожарами, коихъ опустошительные слѣды никакія страховыя общества, никакія пожертвованія благотворительности не могутъ изгладить. Какая причина этихъ усиливающихся пожаровъ, какимъ образомъ возможно предупреждать ихъ? Нѣкоторые приписываютъ пожары размножающемуся употребленію зажигательныхъ спичекъ. Это очень справедливо. Но если продажу фосфорическихъ спичекъ невозможно остановить, возможноли подчинить ее порядку? Требовать, напримѣръ, чтобъ покупатели обязывались зажигать только сигарки, свѣчки и огни въ печкахъ и горнахъ, а не дома, особенно когда они стоятъ въ сомкнутыхъ кварталахъ? Зажигательныя спички положимъ виноваты, но еще виновнѣе ихъ — зажигатели, выходящіе изъ питейныхъ домовъ и изъ тюремъ, этихъ разсадниковъ всякаго безпорядка. О питейныхъ домахъ мнѣ прій-

дется говорить въ отдѣлѣ о дворянскомъ административномъ значеніи, но объ тюрьмахъ я скажу только, что пока онѣ устроены какъ нынѣ, пока помѣщенія въ нихъ такъ мало, а содержащихся такія толпы, будетъ постоянно происходить въ тюрьмахъ то взаимное обученіе въ разбоѣ и преступленіи, которое невозможно прекратить при постоянномъ скопленіи въ одно мѣсто преступниковъ всѣхъ возрастовъ и всѣхъ степеней вины. Это скопленіе противно своду законовъ, но тюремные комитеты безсильны для наблюденія закона, неисполнимаго по матеріальнымъ причинамъ. Комитеты однако окажутъ нѣкоторую услугу, если по крайней мѣрѣ запретятъ своимъ дѣлопроизводителямъ писать въ годовыхъ отчетахъ, что законы по части тюремнаго заключенія исполняются со всею точностію.

Три предмета, занимавшіе меня при всѣхъ невольныхъ отступленіяхъ, были : 1^e цѣнность имѣній или земли при продажѣ; 2^e цѣнность хлѣба, по крайней мѣрѣ на то время, пока будетъ продажный хлѣбъ у дворянъ, и пока они найдутъ еще возможнымъ его сѣять, и быть сами воздѣлывателями на своей землѣ, и наконецъ; 3^e арендная цѣна земли, цѣна земли въ отдачу подъ посѣвъ или выгонъ. Остается впереди вопросъ о рабочей платѣ (salaire), и о томъ образѣ дѣйствія, который дворяне должны наблюдать по этому важному вопросу. Онъ относится прямо къ дворянамъ только до тѣхъ поръ, пока они будутъ продолжать сѣять хлѣбъ наймомъ, и обратится преимущественно къ арендаторамъ земли или къ фермерамъ, когда послѣдніе

замѣнятъ въ хозяйствѣ владѣльцевъ въ прямомъ сношеніи съ рабочимъ класомъ.

Если мѣры благоразумной предосторожности полезны для сбереженія цѣнности того, что составляетъ дворянскую собственность, онѣ не могутъ въ равной степени примѣняться къ вопросу объ рабочей платѣ. Работа, трудъ — есть капиталъ и собственность работника. Нельзя посягать на его свободу безъ крайней опасности. Стачки между дворянами для искуственнаго пониженія рабочей платы обратятся противъ нихъ самихъ, и поведутъ къ стачкамъ между самими работниками. Потери, при такой войнѣ патриціевъ съ плебеями, произойдутъ неминуемо, какъ для одной, такъ и для другой стороны. Единодушіе между дворянами должно напротивъ состоять въ томъ, чтобъ сохранить и стяжать доброе расположеніе и довѣріе крестьянъ.

Ихъ вещественныя коммерческія отношенія, смотря по мѣстности, будутъ разумѣется различны. Въ одномъ мѣстѣ земля будетъ очень дорога, и крестьяне не пожелаютъ съ нею разставаться, хотя помѣщику выгоднѣе, чтобъ они съ нея сошли; въ другомъ, гдѣ земля очень обильна, помѣщикъ будетъ всѣми средствами удерживать работниковъ, которые не смотря на всѣ ласки и обѣщанія захотятъ отойти въ болѣе выгодную мѣстность. Здѣсь должна быть непремѣнно сдѣлана уступка съ одной или съ другой стороны, а въ иныхъ случаяхъ и съ обѣихъ. То помѣщикъ, то крестьянинъ наддастъ цѣну, первый за работу, второй за землю. Сдѣлка между ними состоится безъ всякаго

нарушенія мира, хотя съ пожертвованіями, и съ убыткомъ съ одной или съ обѣихъ сторонъ. Но если тутъ вступится третье лицо подъ личиной примирителя, и прикажетъ одной партіи уступить мѣсто другой, то онъ только посѣетъ раздоръ. Торговый интересъ сближаетъ людей удачнѣе всякаго совѣстнаго или третейскаго суда. Нѣкто сказалъ: имперія есть миръ. Ни имперія, ни королевство, ни республика не суть миръ, но торговля. Вотъ мудрая и добрая примирительница не только народовъ, но и сословій. Дворяне сами сойдутся съ крестьянами безъ посредства чиновника, и разойдутся также, по добру по здорову, безъ его помощи. Если они такъ долго жили вмѣстѣ и мирно, они не поссорятся въ минуту разлуки.

Но дѣло не идетъ единственно объ разлукѣ. Въ большинствѣ случаевъ рѣчь будетъ не о прекращеніи, но объ устроеніи на новыхъ основаніяхъ старыхъ отношеній. Дворяне должны проникнуться мыслью, что они будутъ отселѣ имѣть дѣло съ крестьянами, какъ съ мѣщанами или другими независящими отъ нихъ людьми. Они не должны ни удивляться новой требовательности крестьянъ, ни оскорбляться ихъ измѣненнымъ тономъ; они не должны напоминать имъ о своихъ прежнихъ милостяхъ или укорять за неблагодарность. Это испортитъ будущія отношенія, прекратитъ сдѣлки, которыя должны быть основанны единственно на взаимной пользѣ, и поселитъ между людьми непріятныя чувства.

Во всѣхъ дѣлахъ, связанныхъ съ коллективнымъ интересомъ общины или міра, лучше не входить

въ разсужденія съ цѣлыми массами, но переговорить о дѣлѣ съ старшиною или однимъ членомъ міра, выбраннымъ для переговоровъ. Очень опасно разсчитывать на свое краснорѣчіе, когда защищаешь свою собственную пользу противъ требованія многихъ слушателей. Прошло время, когда можно было прикрикнуть, и заставить всѣхъ молчать. Хотя бы и убѣдились многіе вслѣдствіе сказанной рѣчи, одинъ какой нибудь недовольный человѣкъ можетъ уничтожить хорошее впечатлѣніе, возбудить неудовольствіе или подозрѣніе, и вывести окончательно господина изъ терпѣнія. Тогда понадобится офиціальный посредникъ, и дѣло пойдетъ въ отпяжку къ обоюдному неудовольствію.

Лучше имѣть дѣло съ старшиною въ кабинетѣ, и не по одному, но по нѣскольку разъ по одному и тому же дѣлу, для того чтобъ онъ сносился съ міромъ и заключилъ условіе, на которое крестьяне могли бы обдуманно согласиться. Недоумѣнія не должно быть никакого; все должно быть по возможности объяснено и выговорено, и міръ не долженъ имѣть повода подозрѣвать стачку между своимъ повѣреннымъ и господиномъ. Терпѣніе, справедливость, великодушіе и твердость, всѣ эти качества будутъ потребны для помѣщика въ этихъ новыхъ дѣловыхъ сношеніяхъ. Въ случаяхъ отказа на прошеніе крестьянъ, надобно объяснять по возможности причины отказа, ссылаясь на существующія вблизи цѣны, на измѣненія въ обстоятельствахъ и проч.

Полезно будетъ предвидѣть тѣ требованія, которыя еще не дѣлаются, но вѣроятно будутъ

сдѣланы; и предвидѣть ихъ не для того только чтобъ заготовить формулу отказа, но напротивъ чтобъ изыскать всѣ средства удовлетворить нуждамъ, а въ случаѣ невозможности, приготовить исходъ сколь можно менѣе тягостный для другой стороны. Не одними рѣчами и совѣтами, но и пожертвованіями въ иной разъ придется помогать крестьянамъ. Невозможно предвидѣть всѣхъ подобныхъ случаевъ, но всѣмъ понятно, что они могутъ возникать, и что нужно показывать постоянно не одну справедливость, но и снисхожденіе къ чужимъ нуждамъ.

Что относится до рабочей платы, она опредѣлится сама собою. Помѣщикъ будетъ нанимать работниковъ по самой дешевой изъ просимыхъ у него цѣнъ. Въ случаѣ же соперничества между помѣщиками и недостатка въ работникахъ, разумѣется нельзя будетъ требовать ни отъ одного изъ первыхъ, чтобъ онъ обязывался не давать болѣе своихъ товарищей, это было бы стачкой. Но всетаки должно быть между помѣщиками сколь можно болѣе откровенности въ дѣйствіяхъ и согласія не надбавлять цѣнъ безъ нужды, но надбавлять ихъ при нуждѣ, происходящей отъ обстоятельствъ. Сосѣди не только признаютъ тогда эту необходимость, но послѣдуютъ данному примѣру.

Сооруженіе общеполезныхъ работъ на общій счетъ признакъ большаго развитія въ просвѣщеніи и общежитіи. Такія работы производятся издавна въ Англіи; тамъ надобно изучать механизмъ ихъ возникновенія и учета. Работы тамъ предпринимаются въ мѣстностяхъ самыхъ безденежныхъ по-

собіемъ постороннихъ капиталовъ. Во Франціи, гдѣ помѣстья очень мелки, обращаютъ нынѣ вниманіе на покупку на общій счетъ дорогихъ земледѣльческихъ паровыхъ орудій, и я съ удовольствіемъ припоминаю, что въ Самарскомъ уѣздѣ проникаетъ у помѣщиковъ намѣреніе въ томъ же родѣ. Осушенія большихъ болотъ, искуственное орошеніе луговъ отводомъ воды изъ рѣкъ по каналамъ, и другія капитальныя и полезныя для цѣлыхъ округовъ работы, не могутъ исполняться безъ радушнаго содѣйствія и соглашенія. Входить въ разсужденія объ отдѣльныхъ предпріятіяхъ, которыя съ годами и съ распространеніемъ просвѣщенія вызовутъ нашу дѣятельность, въ настоящее время невозможно. Общественная польза утвердитъ единодушіе, а единодушіе утвердитъ общественную пользу.

Le commencement de la sagesse politique, c'est de bien user du peu qu'on a.

J. J. Weiss.

Политическое значеніе дворянства въ провинціальномъ нашемъ управленіи признано закономъ. Намъ предоставлено выбирать судей, чиновниковъ нашей земской полиціи, депутатовъ отъ дворянства при кредитныхъ установленіяхъ и почетнаго попечителя дворянскихъ учебныхъ заведеній. По-

этому мы призваны дѣйствовать по судопроизводству, по полиціи, по финансамъ и по народному просвѣщенію. Мы сами виноваты, если чрезъ нерадѣніе и безпечность къ общественному дѣлу запускаемъ наше законное вліяніе до состоянія законной фикціи.

1. Собственность и даже жизнь людей весьма слабо ограждаются нашими законами отъ опасности. Не говорю теперь о недостаточномъ исполненіи законовъ, но о самой нашей уголовной юриспруденціи и объ нашемъ судопроизводствѣ. Наше уголовное уложеніе чрезмѣрно кротко, если сравнить его съ какимъ бы то ни было въ Европѣ, но сверхъ того, для окончательнаго осужденія преступника, нашъ законъ требуетъ сколь много и такихъ сильныхъ доказательствъ, что они чрезвычайно рѣдко встрѣчаются, и что болѣе опытные преступники очень легко ускользаютъ отъ наказанія. Мы руководствуемся правиломъ, что лучше девяти преступникамъ уйти безъ наказанія, чѣмъ одному страдать безвинно. Бентамъ вооружается противъ этихъ словъ, и говоритъ, что общество было бы въ выигрышѣ, еслибъ дѣйствовало совершенно на оборотъ этой фразѣ. Дѣйствительно девять смертоубійцъ, отпущенныхъ на волю, могутъ умертвить девять новыхъ жертвъ невинныхъ. Пропорція уголовно наказанныхъ къ обвиненнымъ чрезвычайно мала въ Россіи, если не считать наказаніемъ продолжительное содержаніе подсудимыхъ по цѣлымъ годамъ въ тюрьмахъ. Не опасноли для цѣлаго общества содержать въ тюрьмахъ огромное число людей, чтобъ отпускать

почти всѣхъ опять на волю? Однако многіе точно отпускаются подъ подозрѣніемъ или безъ подозрѣнія, и водворяются опять на жительство въ тѣхъ самыхъ мѣстностяхъ, откуда они были отданы подъ судъ. Каково положеніе ихъ сосѣдей, особенно если они были призваны въ подтвержденіе вины!

Въ Англіи отмѣнена на мою память смертная казнь за коно-и скотно-крадство. Такая ужасная строгость оправдывалась Англичанами въ то время не на основаніи равнаго и соотвѣтственнаго степени вины воздаянія, но на необходимости общества и преимущественно земледѣльцевъ въ таковой грозной защитѣ.

Наше земледѣліе терпитъ много отъ конокрадства, отъ кражи всякаго рода и отъ того, что воры очень рѣдко обличаются. Желѣзо столь необходимое для земледѣльческихъ орудій такъ дорого, что самая малая часть его находится въ употребленіи у нашихъ поселянъ. Если у кого есть тележка и соха, то нельзя ее оставить въ полѣ, не снявъ колесъ или лемеха, которые сносятся на ночь въ деревню. Ко всякой мельницѣ надо приставить караульщика, чтобъ не выдергали изъ нея желѣзныхъ скобъ. Какъ бы могла у насъ устоять на одну недѣлю огромная работа искусственнаго орошенія, устроенная Герцогомъ Портландомъ? Всѣ мѣдные болты на его шлюзахъ были бы отодраны въ первую недѣлю, а пока бы судъ не отпустилъ обвиненныхъ подъ подозрѣніемъ, исчезли бы послѣдніе слѣды кузнечной и слесарной работы, и одни канавы, камни и доски остались бы на мѣстѣ. Работа Герцога Портландскаго стоила ему слиш-

комъ милліонъ рублей ассигнаціями и устроена на открытомъ полѣ.

Пока у насъ не будетъ устнаго и гласнаго суда, общественное мнѣніе не будетъ имѣть настоящаго вліянія на судопроизводителей, и взяточничество не прекратится, какъ бы жалованье чиновниковъ ни было увеличено. Однако и при существующемъ судопроизводствѣ нѣкоторое вліяніе со стороны дворянства возможно. Мнѣ извѣстно объ одномъ уѣздѣ, въ которомъ помѣщики, подъ руководствомъ однаго весьма умнаго государственнаго сановника, наблюдаютъ очень внимательно за дѣйствіями въ судахъ, и показываютъ рѣдкое единодушіе въ выборѣ людей на уѣздныя должности. Они даже, если я не ошибаюсь, складываются на прибавку жалованья судьямъ, и имѣютъ разумѣется право остановить прибавку по своему усмотрѣнію. Такое пожертвованіе, сдѣланное безъ огласки, несравненно полезнѣе по моему мнѣнію для общественной нравственности многихъ гласныхъ подписокъ на историческіе памятники.

2. Никакая земская полиція не будетъ въ силахъ обезпечить жизнь и собственность безъ радушнаго содѣйствія жителей въ каждой мѣстности. Чувство самохраненія, которое мы вообще имѣемъ въ сильнѣйшей степени, каждый за себя, должно одушевлять цѣлыя общества. Удивительно до какой степени люди вообще робки, чтобъ приходить на помощь погибающимъ. Случается иногда, что у самой околицы деревни находятъ въ оврагахъ тѣла убитыхъ людей, которые по множеству нанесенныхъ на нихъ ранъ явно долго сопротивлялись

и звали громко, но тщетно на помощь. Ихъ предсмертные крики возбуждали у сосѣдей только внутренное содроганіе и страхъ за самихъ себя.

Пока мы сами не будемъ отыскивать и выдавать преступниковъ, полиція ихъ не отыщетъ; пока мы сами не будемъ наблюдать за общею безопасностью, каждый изъ насъ будетъ въ опасности. Медаль за спасеніе человѣческой жизни можетъ быть полезна въ такихъ случаяхъ, когда спасающій показывается передъ многими зрителями и передъ губернаторомъ, который доноситъ объ этомъ министру внутреннихъ дѣлъ. Но большая часть опасныхъ случаевъ бываетъ безъ свидѣтелей.

Свидѣтель преступленія, являющійся въ судъ для улики подсудимаго, долженъ пользоваться большою протекціей, иначе онъ убоится за себя, не захочетъ вмѣшиваться въ дѣло, случившееся «по волѣ Божіей,» и отзовется незнаніемъ. Надо защищать всячески отъ притѣсненія и отъ мести свидѣтелей, уличающихъ преступника. Они оказываютъ обществу огромную услугу, и сами подвергаются опасности, если весь околотокъ не приметъ ихъ подъ свою защиту. Въ Англіи, когда преступленіе сокрыто мракомъ тайны, публикуютъ въ газетахъ о награжденіи деньгами отъ 50 до 200 и болѣе фунтовъ стерлинговъ того, который схватитъ скрывшагося преступника, или только укажетъ на вѣрные слѣды къ его уликѣ.

Питейные дома — самый обильный источникъ безпорядковъ и разврата. Помѣщикъ заводящій питейный домъ въ мѣстности, гдѣ его до сихъ поръ не было, въ моихъ глазахъ настоящій измѣнникъ,

потому что заражаетъ цѣлую окрестность. Извѣстно какіе огромные доходы наживаются откупщиками. Никто не въ состояніи давать такихъ цѣнъ, какія они даютъ за картины, за брилліанты и за недвижимыя имѣнія; они спѣшатъ облечь въ прочную форму деньги, которыя имъ достались такъ быстро и такъ легко. Никто не дѣлаетъ такихъ большихъ пожертвованій на богоугодныя заведенія и патріотическія дѣла, они спѣшатъ поставить свое вновь нажитое достояніе подъ покровъ правительства. Они наконецъ люди самые любезные, хлѣбосолы и исправные плательщики проигрышей въ карты, и желаютъ всячески сдѣлаться необходимыми для общества. Но если дворяне подумаютъ о злѣ, нанесенномъ откупщикомъ крестьянамъ, то конечно удалятся отъ нихъ и не примутъ ихъ въ свой совѣтъ.

Кто бы ни далъ намъ первую мысль объ обществахъ воздержанія отъ употребленія горячихъ напитковъ, нельзя не радоваться этому движенію, которое распространяется по всей Россіи. Это есть примѣта рѣдкаго благоразумія и народный подвигъ, достойный истиннаго уваженія. Мы видимъ по нашимъ газетамъ, упоминающимъ объ именахъ селеній, въ которыхъ крестьяне обязываютъ себя взаимнымъ обѣтомъ трезвости, и подвергаются наказаніямъ въ случаѣ нарушенія этого обѣта, что правительству извѣстно про это рѣшеніе. Очень желательно, чтобы питейные дома могли быть выведены изо всѣхъ деревень, гдѣ и помѣщики и крестьяне того просятъ. Желательно, чтобы здоровое крѣпкое пиво въ родѣ эля или пор-

тера вошло въ употребленіе на мѣсто пѣннаго вина, и чтобъ это самое вино, если оно должно непремѣнно продаваться у насъ противъ нашей воли, было по крайней мѣрѣ настоящей водкой, а не дрянью, подслащенной патокой и разведенной водою для большей выгоды откупщиковъ.

Чѣмъ же, спросятъ меня, готовъ я замѣнить винной откупъ — самую обильную изъ всѣхъ отрас лей государственнаго дохода? Я скажу въ отвѣтъ, что всякій иной налогъ будетъ праведнѣе виннаго откупа. Но хотя бы и нельзя было выручить съ другихъ налоговъ болѣе половины откупнаго дохода, остается еще другое средство спасенія, и это средство состоитъ въ уменьшеніи на недостающую сумму нашихъ непроизводительныхъ расходовъ. Ни у какого народа, ни у самаго богатаго изо всѣхъ, у Англичанъ, нѣтъ такихъ огромныхъ непроизводительныхъ расходовъ какъ у насъ.

Не забудемъ между тѣмъ, по крайней мѣрѣ, что дворяне имѣютъ полное право вооружаться противъ корчемства, запрещеннаго самимъ правительствомъ, но происходящаго во многихъ мѣстахъ въ виду всѣхъ, и безо всякаго сопротивленія со стороны полиціи.

3. Многіе полагаютъ что правительство обязано заботиться удовлетвореніемъ всѣхъ общественныхъ потребностей, и что мы Русскіе во многомъ отстали отъ другихъ народовъ, потому что другія правительства заботливѣе нашего. Не въ правительствахъ разница, но въ народахъ. Въ другихъ государствахъ правительства не отличаются вовсе большимъ числомъ предметовъ своей

заботливости, но большимъ числомъ предметовъ, предоставленныхъ заботливости подданныхъ. Въ Англіи напримѣръ правительство, по части дорогъ и путей сообщенія не дѣлаетъ ничего, и не для чего ему объ этомъ заботиться, потому что пути эти дѣлаются сами собою на счетъ жителей. Точно также и богоугодныя заведенія, и врачебная управа; все это содержится у нихъ посредствомъ совѣщаній, соглашеній, складокъ.

Сооруженіе шоссейныхъ и желѣзныхъ дорогъ сопряжено у насъ съ большими затрудненіями и издержками, происходящими между прочимъ отъ климата, отъ низкой цѣнности провозовъ, и отъ большихъ разстояній между населенными пунктами. Коммерческія потребности еще не выражаются довольно сильно, и хотя компаніи стали образовываться, но робко и опираясь до сихъ поръ на обезпеченіи извѣстнаго процента со стороны правительства. Это явный знакъ, что мы не вѣримъ пользѣ своихъ собственныхъ предпріятій.

Мы не довольны исполненіемъ работъ; находимъ завѣдываніе ими неудовлетворительнымъ, подозрѣваемъ злоупотребленія и винимъ чиновниковъ. Но въ устройство нашихъ *проселочныхъ* дорогъ, правительство не вмѣшивается, оно не можетъ употреблять большихъ капиталовъ на частныя дороги невходящія въ государственныя потребности, и отклоняющіяся отъ главныхъ дорожныхъ трактовъ. Отчего же мы до сихъ поръ не догадались принять въ свои руки устройство этихъ дорогъ? Въ степныхъ мѣстностяхъ, правду сказать, нельзя сдѣлать большихъ улучшеній въ средствахъ сообщенія.

Дорога идетъ въ прямомъ направленіи съ одного отдаленнаго села въ другое, огибая только непроходимыя урочища. Но въ населенныхъ мѣстахъ дѣло совсѣмъ иное; мы терпимъ тамъ не отъ недостатка въ дорогахъ, но отъ множества ихъ, пересѣкающихся самымъ безтолковымъ образомъ, и неописанно безпокойныхъ. Отъ каждой деревни выходитъ нѣсколько дорогъ въ другія деревни, которыя выпускаютъ изъ себя также свои радіусы посреди полей, въ видѣ глубокихъ рытвинъ. Бѣдность окрестныхъ помѣщиковъ не всегда оправдываетъ отсутствіе порядочныхъ, или по крайней мѣрѣ сносныхъ сообщеній. Мы никогда и не разсуждали объ этомъ между собою, какъ будто дѣло до насъ не касалось, какъ будто толкуя объ немъ, мы посягали бы на правительственныя права. Расходъ на учрежденіе нѣкотораго порядка въ нашихъ дорогахъ былъ бы весьма умѣренный, и принесъ бы большую пользу уменьшеніемъ числа мостовъ черезъ рѣчки и овраги, и сбереженіемъ въ количествѣ земли, занятой въ настоящее время лишними дорогами. Не говорю о выигрышѣ времени при устройствѣ одного центральнаго тракта, къ которому всѣ расположенныя по сторонамъ деревни могли-бы проводить перпендикулярно другія дороги. Помѣщики, отдаленные нынѣ разстояніемъ 20 или 40 верстъ отъ шосейной дороги, отдѣлены, такъ сказать, отъ всего образованнаго міра. Въ иное время нельзя безопасно пройти этого короткаго промежутка, хотя отъ крайняго его пункта не было бы болѣе никакихъ вещественныхъ препятствій до самаго Мадрида.

Помѣщики, имѣя предъ собою губернскую карту, на которой показаны всѣ ихъ имѣнія, могли бы обсудить какой городъ, или какая пристань на судоходной рѣкѣ, или какая станція на шоссе представляетъ имъ болѣе удобства для сообщенія, — для просвѣщенія, такъ сказать, своего края. Сосѣди живущіе въ одномъ послѣдовательномъ направленіи къ выбранному пункту, приступили бы тогда къ болѣе подробному осмотру мѣстности для выбора линіи. Тутъ бросаются въ глаза и препятствія мѣстности и выгоды отъ сосѣдства большихъ торговыхъ деревень. По выборѣ линіи предстояла бы весьма недорогая работа; не нужно шоссе, достаточно скромной средней ширины дороги, обрытой съ обѣихъ сторонъ канавами для стока воды, и немного возвышенной въ срединѣ. Первоначальное устройство таковой дороги стоило бы не много, содержаніе ея въ исправности обходилось бы сравнительно дороже; но главное затрудненіе представлялось бы въ самомъ выборѣ линіи, и въ общемъ согласіи привести ее въ исполненіе. Нѣкоторые захотятъ, чтобы она проходима мимо самаго ихъ крыльца, другіе упорно откажутся въ уступкѣ малѣйшаго клочка изъ своихъ дачъ для дороги, и такимъ образомъ полезное дѣло не состоится, по крайнѣй мѣрѣ не состоялось до сихъ поръ. Мы бываемъ часто сами виноваты въ нашемъ невыгодномъ положеніи, и слагаемъ на правительство нашу вину, которая часто состоитъ, я не могу не повторить уже сказаннаго мною, въ отсутствіи единодушія въ дѣлахъ, касающихся до нашего общаго интереса.

Отъ насъ самихъ зависитъ пополнить, хотя отчасти, нѣкоторые другіе недостатки, отъ которыхъ мы терпимъ въ провинціи. Изъ нихъ самый ощутительный — недостатокъ въ медицинскомъ и хирургическомъ пособіи. Правительство заводитъ больницы въ городахъ, но многіе помѣщичьи дома отдалены отъ городовъ, а по этому и отъ аптекъ и отъ мѣста жительства уѣзднаго врача. Два, три лекарства въ небольшомъ количествѣ или шкатулка съ гомеопатическими крупинками составляютъ весь аптекарскій запасъ нѣкоторыхъ семействъ. Случится несчастіе, занемогъ опасно единственный сынъ отъ болѣзни или отъ ушиба, нѣтъ помощи подъ рукой; родители, потерявшіе всю вѣру въ гомеопатію, собираютъ послѣднія деньги, выписываютъ изъ губернскаго города извѣстнаго врача, но пока дошло до него письмо, пока онъ собрался въ путь и спѣшитъ къ одру больнаго, проходитъ иногда время для леченія, и наступаетъ пора горькихъ и безполезныхъ слезъ.

Помѣщикамъ нужно имѣть одну небольшую больницу съ аптекой и хирургическими инструментами подъ вѣдѣніемъ хорошаго медика, не зависящаго ни отъ какой казенной службы, и получающаго жалованье отъ однихъ помѣщиковъ въ извѣстномъ округѣ.

Не для однѣхъ нуждъ, но и для удовольствій, особенно свойственныхъ сельской жизни, добровольныя складки могли бы быть употреблены съ большою пользою. Въ Англіи стаи гончихъ собакъ содержатся посредствомъ подписки охотниковъ, а

не на счетъ одного изъ нихъ, хотя псарня помѣщается у одного изъ богатыхъ помѣщиковъ подъ его главнымъ наблюденіемъ и носитъ его имя. Онъ начальникъ охоты, предсѣдатель охотниковъ, распорядитель, и весьма часто гостепріимный хозяинъ. У насъ многіе, любящіе охоту, не могутъ ею наслаждаться по недостатку средствъ. Между сосѣдями нѣтъ согласія на счетъ того, гдѣ и кому дозволено или запрещено охотиться. Богъ знаетъ изъ какого дальняго мѣста появляется вдругъ баринъ въ отхожее поле, объѣзжаетъ съ неизвѣстной всему околотку компаніей всѣ мѣста, и истребляетъ всю дичь. Мужики безпрепятственно бродятъ съ ружьями по помѣщичьимъ и казеннымъ лѣсамъ, и никто не наблюдаетъ за сохраненіемъ дичи, которая безпощадно истребляется. Изо всѣхъ охотъ самая полезная — на волковъ — нигдѣ почти не существуетъ въ стройномъ и правильномъ видѣ. Коегдѣ попадается волкъ, котораго удастся затравить, но мнѣ неизвѣстно ни объ одномъ мѣстѣ, гдѣ бы охота на волковъ производилась правильно. Ее должно вести посредствомъ оцѣпленія, состоящаго изъ ста и болѣе человѣкъ, и не въ какомъ нибудь отдѣльномъ имѣніи, но на большихъ пространствахъ, иначе волки уходятъ на время изъ одной мѣстности въ другую. Вредъ наносимый ими не ограничивается одной скотиной; люди бываютъ ихъ жертвами цѣлыми десятками, когда бѣшеный волкъ бросается посреди толпы въ деревняхъ, на ярмоккахъ, или при выходѣ народа изъ церкви. Мнѣ извѣстно имѣніе, въ которомъ это случилось два раза въ теченіе не многихъ годовъ. Мы должны

бы сомкнутыми дружными рядами вооружаться противъ зла во всѣхъ его видахъ, и въ какихъ бы непредвидѣнныхъ случаяхъ оно не проявлялось; мы должны бы для удаленія опасностей всякаго рода всегда надѣяться другъ на друга.

4. Правительство предоставило намъ нѣкоторую мѣру вліянія на наши губернскія ученыя заведенія, и доказательствомъ тому служитъ званіе выбираемаго отъ дворянства почетнаго попечителя гимназіи. Если бъ эта должность исполнялась съ усердіемъ и знаніемъ дѣла, то она не была бы пустою, но способствовала бы къ улучшенію гимназій. Никто не заинтересованъ столько въ ихъ благосостояніи, какъ родители, повѣряющіе своихъ дѣтей этимъ гимназіямъ.

Правительство дало ревнителямъ народнаго просвѣщенія право учреждать въ своихъ имѣніяхъ приходскія училища для образованія крестьянскихъ дѣтей. Нѣкоторые помѣщики, но весьма небольшое число, воспользовались этимъ правомъ. Правительство дозволяло, но нисколько не поощряло учрежденія приходскихъ училищъ. Сверхъ того сами помѣщики должны были преодолѣвать господствующій предразсудокъ, что будто воспитаніе опасно при крѣпостномъ состояніи крестьянъ. Тѣ, которые говорили напротивъ, что подготовлять умы къ желательной отмѣнѣ крѣпостного состоянія полезно, оставались въ меньшинствѣ. Дожидаться для измѣненія законовъ достаточнаго развитія умовъ, значило бы удалять это измѣненіе на неопредѣленное время. Можно однако надѣяться, что воспитаніе будетъ разливаться отнынѣ быстрѣе,

и что народъ получитъ полезное нравственное направленіе вмѣстѣ съ гражданскими правами. Къ несчастію, пока дѣти еще будутъ воспитываться, взрослые лишены всякаго просвѣщенія, не исключая самаго необходимаго — религіознаго. Они его могутъ получить только отъ своихъ священниковъ; но извѣстно, что у насъ вліяніе священника на своихъ прихожанъ, поселянъ, весьма слабо. Священники зависятъ отъ своихъ прихожанъ въ средствахъ жизни; ихъ столкновенія съ крестьянами по денежнымъ разсчетамъ соблазнительны, а разсчеты такіе безпрестанны.

Въ Россіи во время Петра произошелъ весьма тихо и безмятежно одинъ огромный переворотъ. Монастырскія большія имѣнія отобраны въ казну. Въ другихъ государствахъ, гдѣ эти имѣнія остались собственностью церкви, они распредѣляются очень неровно между высшимъ и низшимъ духовенствомъ; но высшее духовенство болѣе или менѣе чувствуетъ себя обязаннымъ содѣйствовать общему дѣлу, и снисходитъ къ нуждамъ нижнихъ церковныхъ чиновъ. Во Франціи церковныя имѣнія были также конфискованы во время революціи, но по возстановленіи законнаго правительства, духовенству сдѣлано денежное вознагражденіе, и ему положено очень значительное жалованье. У насъ и высшее и низшее духовенство терпятъ отъ бѣдности, и жалованья положенныя отъ казны крайне недостаточны для ихъ содержанія. И въ Римско-Католическихъ и въ Лютеранскихъ государствахъ церковное устройство опирается на собственности. Православная церковь лишена этой опоры,

и потому наше духовенство не можетъ имѣть такого значенія въ обществѣ, какое имѣетъ духовенство въ другихъ государствахъ. Въ самой Россіи иновѣрное духовенство, аббаты и пасторы, болѣе обезпечены своимъ начальствомъ, чѣмъ сельскіе православные священники. Дворяне не имѣютъ средствъ назначать отъ себя руги священникамъ: желательно, чтобъ они по крайней мѣрѣ давали имъ всевозможное нравственное вспоможеніе, и подавали примѣръ уваженія къ священству. Гдѣ нуждаются въ этомъ болѣе какъ не въ Россіи? гдѣ священство такъ бѣдно? гдѣ столько расколовъ? и гдѣ вмѣстѣ съ тѣмъ столько сомнѣнія даже въ высшихъ слояхъ общества на счетъ духовныхъ обязанностей, входящихъ въ основаніе гражданскаго быта каждаго человѣка?

Мы бываемъ часто призываемы настойчивыми требованіями правительства оказывать всевозможное вспоможеніе къ искорененію расколовъ, особенно опасной малаканской ереси. Но мы бы желали, чтобы наши дѣйствія были осмыслены сознаніемъ ихъ направленія и пользы. Непонятно, отчего мы преслѣдуемъ малакановъ, а на русскія деньги ввозимъ и устроиваемъ меноннитовъ, выгнанныхъ еще въ 17мъ столѣтіи изъ Голландіи, своей родины, изъ опасенія вредныхъ политическихъ началъ этой секты; отчего допуская къ себѣ меноннитовъ (и въ прошломъ еще году устроена для нихъ колонія въ Самарской губерніи), мы не поощряемъ, или по крайней мѣрѣ не терпимъ малакановъ? Не исповѣдимы пути гражданскихъ губернаторовъ, въ одно и тоже время, въ одномъ и томъ же мѣстѣ сѣю-

щихъ и исторгающихъ плевела. Первое Россійское заведеніе меноннитовъ было на рѣкѣ Молочной. Тамъ завелись и оттуда разсыпались малаканы по разнымъ губерніямъ Россіи.

Мнѣ не нужно приводить другихъ примѣровъ столкновенія въ понятіяхъ о церковныхъ дѣлахъ. Какъ православные, мы подчинены господствующей церкви. Какъ разумные люди, мы чувствуемъ надобность ясно понимать правила, которыя положены въ основаніе закона, и понявши эти правила, мы въ правѣ ожидать, чтобы постановленное однимъ учрежденіемъ не было опровергнуто другимъ.

Надобно чтобъ наши понятія о нашемъ вліяніи согласовались хоть немного съ понятіями нашихъ духовныхъ и гражданскихъ начальниковъ, дабы мы дѣйствовали за одно не только съ нашими губернаторами, но и съ нашими епископами; а это невозможно, если сами епископы съ нашими губернаторами несогласны. Но хотя бы высшія власти и ладили между собою, помѣщики и священники находятся къ несчастію въ положеніи безпрестаннаго дерганія и боренія, если не явнаго сопротивленія, по той самой причинѣ, что, хотя мы и согласуемся въ формулахъ религіознаго исповѣданія, но понимаемъ иначе наши взаимныя гражданскія обязанности. Словомъ мы оказываемъ уваженіе къ проповѣди священника во время богослуженія, а вышедши изъ церкви, хотя наблюдаемъ приличія, смотримъ на всѣ наши дѣловыя отношенія съ совершенно различныхъ точекъ зрѣнія. Можноли надѣяться, чтобы при столь ограниченномъ вліяніи духовенства на насъ самихъ, мы могли содѣйство-

вать въ дѣлахъ религіознаго просвѣщенія духовенству, столько нуждающемуся въ усерднѣйшемъ нашемъ содѣйствіи? Мы должны усмирить нашу собственную строптивость, и, признавая духовную власть надъ собою, оправдывать ея большую кротость. Иначе эта самая кротость будетъ справедливо принята иностранцами за знакъ слабости и незначительности.

Просвѣщеніе крестьянъ должно бы исходить отъ креста. Не знаю какъ ученые выводятъ этимологію слова « крестьянинъ. » Но кажется что этому слову чисто Русскому не соотвѣтствуетъ никакое иностранное, выражающее подобный смыслъ. Colonus, paysan, countryman — значатъ поселянинъ, bauer значитъ строитель, дѣлатель, γεωργος земледѣлецъ. Если « крестьянинъ » не образовалось отъ « христіанинъ, » тогда будетъ вѣроятно допущено, что « крестьянинъ » происходитъ отъ слова крестъ. При томъ или другомъ мнѣніи, бросается на память давнишнее замѣчаніе, что каждое имя вещи есть сокращенная ея исторія. Настоящій неиспорченный характеръ русскаго крестьянина благоговѣйнаго, терпѣливаго, сострадательнаго, важнаго оправдываетъ его происхожденіе отъ самаго высокаго начала. Желательно, чтобъ онъ оставался вѣрнымъ таковому началу, какое бы улучшеніе не происходило въ его временномъ бытѣ.

Крестьяне, подвергаясь теперь вліянію новаго рода мыслей, и видя измѣненіе во временныхъ своихъ отношеніяхъ къ людямъ вообще, находятся въ большой опасности входить въ заблужденіе на счетъ своихъ религіозныхъ обязанностей, и думать

что эти обязанности также могутъ измѣниться. Они при всемъ своемъ упованіи на Бога исполняютъ ихъ и въ нынѣшнее время слабо и небрежно. Они сближаются съ церковью для крещенія, для браковъ и для похоронъ, но весьма немногіе получаютъ отъ нея постоянное духовное направленіе. Не думаю, чтобы одна десятая часть взрослыхъ и неустарѣвшихъ крестьянъ приходила ежегодно ко святому причащенію. Но неисполненныя обязанности обращаются съ ядовитымъ жаломъ на того, который отъ нихъ отказался. Отверженіе всякой временной власти слѣдуетъ натуральнымъ образомъ за пренебреженіемъ власти религіозной, и можетъ проявляться въ открытыхъ возмущеніяхъ. Просвѣщенное вліяніе духовенства на народъ всегда было нужно, но ни когда болѣе, чѣмъ теперь. Tout en ressentant pour les détresses matérielles du peuple une profonde sympathie, j'ai été surtout touché et préoccupé de ses détresses morales, tenant pour certain que plus il se guérirait de celles-ci, plus il lutterait efficacement contre celles-là, et que, pour améliorer la condition des hommes, c'est d'abord leur âme qu'il faut épurer, affermir et éclairer. (Guizot.)

Будемъ содѣйствовать благой цѣли народнаго религіознаго образованія, но сперва проникнемся убѣжденіемъ въ пользѣ и послѣдовательности нашихъ дѣйствій. Мы получили отъ промысла Божія наше назначеніе въ жизни, мы родились въ Россіи, и крещены въ православной вѣрѣ. Имѣемъ ли мы право разрѣшить сразу наши недоумѣнія, отказываясь отъ своего назначенія? Однако это дѣлаютъ многіе изъ нашей среды.

Вотъ крайній пунктъ печальнаго удаленія русскаго дворянства отъ народа. Мы молчимъ, никогда не возражаемъ, но уклоняемся безсознательно и тихомолкомъ отъ всего русскаго, и наконецъ отрекаемся отъ него открыто и даже съ торжествомъ.

« We know that *we* have made no discoveries, and we think that no discoveries are to be made in morality; nor many in the great principles of government, nor in the ideas of liberty, which were understood long before we were born, altogether as well as they will be after the grave has heaped its mould upon our presumption, and the silent tomb shall have imposed its laws on our pert loquacity. »

BURKE.

Я исполнилъ по моему разумѣнію предначертанную программу, описавъ нѣкоторыя изъ хозяйственныхъ и административныхъ отношеній, въ которыхъ дворянство призвано принять участіе. Оно призывается къ этому и чувствомъ собственнаго самосохраненія, и нравственною обязанностью служить отечеству и способствовать общественному благоустройству. Я обращалъ вниманіе на тѣ именно предметы, о которыхъ существующіе законы даютъ намъ право, и поставляютъ намъ

въ обязанность разсуждать. Я долженъ былъ поднять много вопросовъ, между которыми нѣтъ ни одного чуждаго нашимъ обязанностямъ. Я не назвалъ ни одного имени изъ современныхъ государственныхъ людей, считая однимъ изъ главныхъ злоупотребленій свободнаго книгопечатанія вызывать безъ нужды на публичную сцену людей для осужденія или для одобрѣнія ихъ дѣйствій. Я не могъ, говоря о нашихъ учрежденіяхъ, не выражать своего мнѣнія, которое я охотно подвергаю критикѣ. Даже ошибочныя понятія о вещахъ тѣмъ по крайней мѣрѣ полезны, что они вызываютъ къ исправленію ошибокъ, и къ точнѣйшему опредѣленію предметовъ.

Можетъ быть докажутъ, что экономическіе мои разсчеты противны наукѣ и опыту, и что мое ученіе по этому вредно, что я также не понялъ и потому неправильно изложилъ вопросъ объ винныхъ откупахъ, что пьянство никогда не было поставлено въ законъ, что трезвость никогда не была запрещена, но что при существующемъ вкусѣ къ крѣпкимъ напиткамъ, и даже при необходимости въ ихъ употребленіи для рабочаго народа, дворяне не навлекаютъ на себя никакой отвѣтственности, производя торгъ этими напитками, и даже возвышая ихъ цѣну; точно также, что я выставилъ паралель между менонитами и малаканами неправильно, что правительство находитъ первыхъ полезными по ихъ опытному сельскому хозяйству и знанію лѣсоводства, и не входитъ въ разборъ ихъ догматовъ, а что относительно малакановъ какъ русскихъ,

оно обязано напротивъ входить въ этотъ разборъ; что дозволяется русскимъ заимствовать у меноннитовъ все хорошее, и запрещено только соблазняться ихъ ересью; что вообще намъ неприлично входить въ отвлеченныя разсужденія о правительственныхъ началахъ, ни даже содѣйствовать общественному благоустройству, пока мы не будемъ облечены особенной *личной* властью отъ правительства. Но въ такомъ случаѣ мнѣ будетъ вѣроятно объяснено вмѣстѣ съ опроверженіемъ моего мнѣнія, въ чемъ заключается настоящее понятіе объ нашемъ назначеніи въ отечествѣ? Не думаю чтобъ сказали мнѣ, что дворянство должно спать спокойно, пока не пробудитъ его тревога. Когда ее пробьютъ, мы не будемъ знать ни гдѣ собираться, ни что̀ дѣлать, если не узнаемъ напередъ въ чемъ состоятъ роли каждаго и обязанности всѣхъ.

Пусть люди съ воззрѣніями совершенно противными моимъ опровергнутъ мои мнѣнія, но пусть они докажутъ тогда и здравость своихъ собственныхъ началъ. Я буду радъ пасть умилостивительной жертвой для учрежденія общихъ и здравыхъ понятій объ нашихъ обязанностяхъ.

Намъ не столько нужны начальники, даже самые просвѣщенные и достойные, сколько товарищи, пользующіеся нашимъ неограниченнымъ уваженіемъ и довѣренностью. Намъ нужны руководители изъ нашего же круга, мужья благаго совѣта, миролюбивые, убѣжденные въ своихъ политическихъ исповѣданіяхъ, и доказавшіе свою стойкость. Они у насъ образуются тогда, когда мы обратимся

отъ блеска къ существенности, отъ придворной и официальной службы къ провинціальной. Должно-ли видѣть въ этихъ словахъ малѣйшее униженіе официальной службы? это было бы противно моему намѣренію. Отечество нуждается *въ благоразумной пропорціи* въ военныхъ и гражданскихъ служителяхъ, и когда они точно служатъ къ пользѣ отечества, то они имѣютъ право и на награжденія отъ правительства (такъ какъ эти награжденія приняты повсемѣстно), и на уваженіе соотечественниковъ. Одно, что я желаю и чего домогаюсь въ этомъ разсужденіи, это — чтобы не всѣ входили въ официальную службу, чтобы не всѣ командовали съ разныхъ степеней власти, но чтобъ нѣкоторые занимались также дѣломъ благоразумнаго, просвѣщеннаго и дѣятельнаго повиновенія. Подъ словомъ « повиновеніе » я разумѣю покорность законнымъ властямъ, ревностное содѣйствіе всѣмъ полезнымъ дѣламъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ удаленіе отъ участія во всѣхъ дѣлахъ неодобренныхъ нашей совѣстью.

Кто рѣшится принять на свою долю послѣднюю скромнѣйшую изъ сихъ двухъ службъ? Весьма не многіе въ состояніи удовольствоваться однимъ одобрѣніемъ совѣсти. Но при этомъ одобрѣніи честолюбіе также удовлетворяется. Ничего нѣтъ лестнѣе на свѣтѣ неподкупнаго уваженія постороннихъ людей, людей когда - то отдаленныхъ, даже незнакомыхъ и вдругъ выражающихъ сочувствіе или одобрѣніе нашимъ дѣйствіямъ. Иные государственные служители получаютъ почести и заслуженное уваженіе, иные скромные граждане получаютъ также заслуженное уваженіе, хотя безъ блестя-

щихъ отличій отъ начальства. Кто выберетъ сію послѣднюю долю, тотъ проведетъ жизнь безъ упоеній громкаго торжества, но и не будетъ такъ часто волнуемъ завистью. Не только слава во время жизни, но и память послѣ смерши одна для государственнаго сановника, другая для неизвѣстнаго патріота. Первый окруженъ къ окончанію жизни почестями, справедливыми предвѣстницами въ нѣкоторыхъ случаяхъ исторической славы, послѣдній можетъ надѣяться, что его память прожитъ на одно или на два поколѣнія, но онъ увѣренъ, что его имя не будетъ значиться въ спискахъ ни славныхъ благотворителей, ни знаменитыхъ бичей человѣческаго рода. Древніе изображали на надгробныхъ памятникахъ конецъ жизни подъ видомъ изваяннаго корабля, спускающаго свои паруса. Можно бы развить это уподобленіе сообразно двумъ различнымъ поприщамъ. Два корабля возвращаются, одинъ военный съ морскаго сраженія, другой купеческій изъ дальнаго плаванія, въ одну общую гавань. Пальба крѣпости и лики моряковъ привѣтствуютъ адмирала, и никто не осудитъ эту должную ему честь. Купеческій корабль не принимаетъ на свой счетъ это торжество, онъ не поднялъ адмиральскаго флага. Видно только, что онъ сидитъ глубоко въ водѣ, а зрители заключаютъ изъ этого, что онъ сберегъ весь свой грузъ, хотя завистливыя волны и разбивались объ его борта. Онъ преодолѣлъ опасности отъ бурь, и спускаетъ наконецъ безъ шума, но не безъ достоинства свои паруса.

Многимъ однако покажется тяжело отречься отъ извѣстности и славы.

Но не нужно непремѣнно выбирать между публичной и частной жизнью, не нужно отказываться отъ столицы и отъ всего того, что намъ сдѣлалось необходимымъ по вкусу и давнишнимъ привычкамъ. Отчего не записываться и на будущее время въ какую нибудь службу? лишь бы записавшись въ то или другое вѣдомство, мы имѣли постоянно въ виду, чтобъ служба наша приносила дѣйствительную пользу родному нашему краю.

Мы можемъ дѣлить наше время между столицами и провинціей. Мы даже можемъ переносить съ собою хорошія черты одной мѣстности въ другую, приносить въ столицу свѣдѣнія о нуждахъ провинціи, а въ провинцію послѣднія изобрѣтенія наукъ. Сокращая роскошь чрезмѣрную и разорительную, мы можемъ однако распространять понятія объ утонченномъ вкусѣ и о благородномъ употребленіи времени. При новыхъ воззрѣніяхъ на жизнь, возникнутъ въ насъ и новыя добродѣтели. Умѣренная, заблаговременная бережливость спасетъ насъ отъ бѣдности и предупредитъ невыносимыя лишенія. Мы прекратимъ безполезное великолѣпіе и ложную щедрость. Обремененные долгами, мы отложимъ праздники и пожертвованія до окончательнаго удовлетворенія нашихъ кредиторовъ. Мы оградимъ своихъ дѣтей отъ разорѣнія и необходимости прибѣгать для поправленія своего состоянія къ откупамъ, къ подрядамъ и къ выгоднымъ казеннымъ должностямъ.

Противники дворянства улучаютъ минуту, чтобъ уничтожить вовсе его вліяніе, и журналы, поддерживаемые большимъ числомъ подписчиковъ,

подрываютъ всякое довѣріе къ аристократическимъ началамъ. Защищать эти начала называется дѣломъ отсталымъ и недостойнымъ нашего вѣка. Если дворянство не поставитъ никакой преграды этимъ нашискамъ, оно окончательно и заслужено упадетъ въ общественномъ мнѣніи.

Мы видимъ какъ во Франціи самодержавная власть опирается на армію и выхваляетъ вмѣстѣ съ нѣмъ демократическія начала. Многіе думаютъ что наше правительство должно бы также заключить союзъ съ представителями республики. Но что союзъ этотъ долго простоитъ въ пользу правительства ещё не доказано, и мы не видимъ что̀ пріобрѣла Франція взамѣнъ своихъ прежнихъ учрежденій. Она отреклась отъ нихъ легкомысленно чрезъ одну попытку учредить *равенство* вмѣстѣ съ свободою и братствомъ.

Русское дворянство, какъ всякое дворянство на свѣтѣ, мало того, какъ всякій благоразумный человѣкъ въ мірѣ, въ какомъ бы состояніи онъ ни родился, должно возставать противъ теоріи равенства. Но опровергать ее можно не однѣми рѣчами, но и дѣйствіями, показывающими пользу неравенства въ *состояніяхъ*, дѣйствіями возможными для одного дворянства, и благодѣтельными для всѣхъ сословій въ обществѣ.

Быть можетъ, русское дворянство не достигло по сю пору этой цѣли, по недостаткули собственной энергіи, или по обстоятельствамъ, замедлившимъ его просвѣщеніе. Отнынѣ разширится и уяснится передъ дворянствомъ кругъ политическихъ вопросовъ. Ему прійдется изучать ихъ съ

терпѣніемъ, каждому члену наединѣ и многимъ вмѣстѣ.

Нѣкоторые коренные реформаторы не страшатся революціи, какъ крайняго средства къ прекращенію злоупотребленій. Они указываютъ на Францію, которая пережила коренные перевороты, и въ матеріальномъ отношеніи процвѣтаетъ можетъ быть теперь болѣе лѣмъ до революціи. Но всѣ организмы не могутъ выдержать тѣхъ же испытаній. Франція имѣетъ форму квадрата, сжатаго съ трехъ сторонъ природными границами, и населена однимъ только племенемъ, которое объясняется на одномъ общемъ языкѣ, и исповѣдуетъ большею частью одну религію. Россія напротивъ неизмѣримо обширна, и населена многими племенами съ различными исповѣданіями и языками. Франція могла пройти короткій періодъ кровавой судорожной жизни; но Россія такого испытанія не перенесетъ. Одни тѣ, которые желаютъ распаденія на части Россійской Имперіи могутъ сознательно распространять въ народѣ революціоннос ученіе. Но много, къ несчастію, на свѣтѣ безсознательныхъ орудій разрушенія. Монархическое твердое и мудрое правленіе есть условіе, sine quâ non, цѣлости и благосостоянія Россійскаго государства.

Дворянство самый дѣловой сподвижникъ правительству, потому что оно видитъ на мѣстѣ, и ближе офиціальныхъ лицъ, дѣйствія правительственныхъ мѣръ. Непріятели и монархическаго правленія и дворянства — люди, сѣющіе между ними недовѣріе. Дворянство есть точно оплотъ, и необходимый оплотъ престола. Оно ограждаетъ его

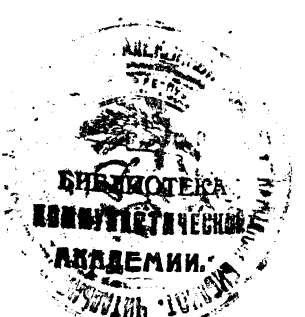
отъ опасностей, и принимаетъ на себя часть отвѣтственности, содѣйствуя правительственнымъ дѣламъ. Однимъ словомъ дворянство, и особенно русское, считаетъ себя нужнымъ правительству, и полагаетъ, что оно станетъ постоянно нужнѣе съ развитіемъ общественныхъ интересовъ.

Наши настоящія и *родовыя* обязанности начертаны въ самомъ текстѣ законовъ, и высказываются въ ежедневной жизни. Обязанности всякаго человѣка составляютъ самую дорогую часть его достоянія. Чѣмъ далѣе онъ углубится въ эту неисчерпаемую руду, тѣмъ болѣе онъ пріобрѣтетъ правъ на собственное уваженіе. Чьи права нарушаетъ онъ исполняя свои обязанности? Такъ точно и дворянство. Съ чувствомъ довѣрія къ самому себѣ, съ благоговѣйной покорностью къ Державной власти, при внутреннемъ обдуманномъ соглашеніи о направленіи и образѣ своихъ дѣйствій, и наконецъ при исполненіи къ общему благу этихъ дѣйствій, русское дворянство оправдаетъ передъ отечествомъ свое назначеніе.

Памятны слова написанныя судьею Омеръ Талономъ могущественному Лудовику XIV: «LA DIGNITÉ DE LA COURONNE SE MESURE PAR LES QUALITÉS DE CEUX QUI LUI OBÉISSENT.» Представительность престола соразмѣряется съ достоинствомъ повинующихся.

Торки.

1860 г.



ОПЕЧАТКИ И ОШИБКИ.

Стран.	11	вмѣсто :	200000	чит. нѣсколько сотъ тысячъ.
	28	—	послѣдніе	— они.
	34	—	народонасенія	— народонаселенія.
	45	—	отношеніи	— отопленіи.
	49	—	но торгов- ля. Вотъ	— но торговдя-вотъ.